

Разоблачение русалок

Алексее Гребенникову

«Представь себе книгу, которую хочешь прочитать, и напиши ее» (с)

1. Голосование под мостом

Конец мая. Как долго этой весной приходится ждать по-настоящему хороший, полностью солнечный день. Один из тех первых теплых дней, что ласковым колдовским заговором способен выгнать из дома, заставить бесцельно бродить, гулять, мечтать и надеяться. Неубранный мусор вдоль тротуаров уже не кажется возмутительным. Он ничего в общем-то не портит. Впереди лето, цветут яблони. Сладкий цветочный запах перебивает даже аромат пряностей на рынке. Яркими пятнами на позеленевших газонах распускаются тюльпаны. И все кажется теперь возможным. А то, что вгоняло в тоску, пугало - сдулось и растворилось само по себе.

Цын, смывшийся с последнего урока, доволен. Про себя он отмечает, что это с ним бывает нечасто. Впереди еще один, последний, год в школе, но все это потом, потом... А сейчас – расстегнутая рубашка, галстук в кармане, пиджак комом затолкан в рюкзак. Пыльные ботинки пинают, попирая, словно символ прошлых неудач, пожилой, восставший из-под прошлогоднего снега бурый дубовый лист. Как хорошо болтаться одному, ветер в ушах. Цын, нога за ногу, то и дело ероша затылок и улыбаясь сам себе, бредет по длинной, полупустынной набережной. Река пока еще холодная, но скоро прилетят утки. Цын с довольной миной давно миновал центр города и бродит по глухой окраине. Много километров город прилежно тянется вдоль реки, но здесь он устает. Река сопровождает город, не бросает его, каким бы он ни представал перед ней - грязный, нарядный, бедный или блестящий, украшенный огнями. И даже здесь, на его исходе, она продолжает в него верить.

Празднуя окончание мучений, класс двинулся накачиваться пиццей. А Цын сбежал. Это его веселит. Уже с самого утра он был от них от всех очень далеко. И в тетради по химии (а не в блокноте, как всегда) все утро рисовал. Кучерявые сучки-завитушки странных деревьев. Растущие прямо на стволах пугающие физиономии жителей далекого загадочного мира. Полукотов-полусов. Оленей с водопадами вместо рогов. Тигров с глазами пятилетних девочек. Его привлекает таинственное. Он – словно эльф, выпавший из светлого вчера в обычное, тусклое сегодня.

Солнце наяривает в спину. Цын минует парочку, целующуюся у парапета. Вот бы спихнуть их в речку, пусть побарахтаются. Бородатый хипстер, согнувшись на лавке, ноет в телефон, уговаривая кого-то встретиться, рядом грустит картонный стаканчик из-под кофе. Полная мамашка в необъятной футболке, толкая коляску, жует яблоко. Цын направляется в сторону старого, не работающего колеса обозрения. Следом за ним вдоль реки бегут недружелюбные тучи, сулящие дождь. Колесо довольно эпично нависает над широкой, стальной лентой реки. Он делает пару снимков на телефон, кидает рюкзак на траву и валится прямо на него. Хватит с него угнетения и пахоты. Нащупывает рукой блокнот, что всегда лежит в отдельном кармашке рюкзака, и отодвигает его из-под себя, чтобы не помять. Цыну хочется есть, и он начинает оглядываться, ища глазами ларек или кафешку. Но ничего такого здесь давно уже нет. В этой части набережной мало кто бывает. Неухоженные дорожки, кусты разрослись как попало, зияют окошки заброшенной стройки. Стая бездомных собак выбегает из зарослей и начинают обнюхивать землю в поисках еды или хотя бы ее следов. Вечно голодные городские звери.

Цын думает о том, что нарисует вечером, когда придет домой. Он суживает глаза, в свете солнечных лучей разглядывая реку, мусор, искривленные силуэты арматуры, торчащие из ямы неподалеку. Все это для него преобразается в диковинный лес. Серебро, льющееся из сердцевины светила. По милости звезд сошедшие на землю крошечные крылатые создания так и выются перед глазами.

Набережная упирается в основание моста - самого старого в городе. Наверху стоянка маршруток, конечная. Из-под бетонных свай тянет гнилью, застоявшейся речной тиной, нехитрой собачьей жизнью. Река, стальная и спокойная, здесь делает поворот, выгибает спину, словно выглядывая из-за недостроенного здания с пустыми окнами и горстки промышленных построек неопределенного цвета. Совсем запуталась в ивняке еще одна брошенка – полуразрушенный речной вокзал. Его серые ступеньки кусает дикая, застоявшаяся весенняя вода.

Солнце пока что не сдается тучам – блестят даже проржавленные перила круглой кабинки колеса обозрения, самой нижней, что застряла в многолетнем сухостое. Цын привстает. Так. Стоп. Как это может быть? Разве ржавчина может так блестеть?

Лень вставать, конечно, но интересно. Приходится подняться, подойти поближе. Может, чем-то блестящим обмотаны перила? Цын отпинывает пластиковую бутылку, пробирается по прошлогодней сухой траве к колесу, задирает голову, смотрит на солнце. Не такое уж оно и сильное, вон левый бок

уже успели обглодать тучи. Да нет же, это все-таки перила, сами по себе так сияют. Цын берется за них обеими руками, с трудом открывает проржавевшую дверцу. Собаки за его спиной поднимают головы, прислушиваются. Прижимают хвосты и чего-то ждут.

Глаза Цына пытаются привыкнуть к свету. Это сияние, этот блеск - все какое-то ненатуральное... Он жмурится.

Кабинка словно плавится на глазах. Щель, похожая на просвет между двумя домами, - совершенно бестолковая с точки зрения архитектуры, становится бесконечной.

Бенефис дурусти.

Он не успевает испугаться. Только опасливо оглядывается. Там, позади все знакомое - рюкзак на свежей, ранней траве, река, мост и несколько собак, затаивших дыхание. Однако вместо этого у себя за спиной он видит смутный человеческий силуэт, похожий на кого-то огромного и мускулистого.

Этот силуэт толкает его промеж лопаток. Цын целую вечность падает, рискуя расквасить нос. И приземляется наконец во что-то неприятное и холодное. Стылый зимний воздух. Ощущение такое, будто его окунули в неприветливые майские воды. Он конечно же пытается встать, но стучается головой. (Перила кабинки?). В висках звенит вьюга. Поднимается. Оглядывается, пытается ухватиться хоть за что-нибудь, но рука соскальзывает в пустоту.словно в тумане он видит, что стоит в огромном зале, среди бесчисленного количества других людей. Каждое движение дается ему с трудом. Да и все эти «другие» тоже какие-то застывшие. Больше похожи на водоросли в озере, где нет течения. Не люди, а смутные тени. Все смотрят прямо перед собой. Очень тихо. Только в ушах звенит, будто бы шумит горная река.

И тут его осеняет. Опять оно. НЕТ. Только не это! НЕУЖЕЛИ СНОВА? Но почему? Все же вроде бы было хорошо!

Вдруг прямо перед лицом вспыхивает свет, будто включается крошечный фонарик, из света возникает шарик-сфера, поделенный на две половины – прозрачную и темную. Теперь понятно, куда смотрят все эти люди — прямо перед собой, на такие же шары, как у него.

«Пожалуйста, проголосуйте», - сообщает голос у него в голове, заглушая свист.

Светлая сторона – за трансформинг, темная – против. Цын начинает чувствовать ноющую, противную головную боль. Это бывает, когда он волнуется. Или от физических перегрузок.

«Кризисное поколение, - любит поддеть его папа. – Appetit что надо, а силенок нет».

Скорее, скорее бы все кончилось, чем бы это ни было. Цын с трудом поднимает руку, тыкает в сферу пальцем наугад.

«Вы проголосовали за трансформинг, спасибо», - отзывается голос в голове.

Он чудовищно устал. Стибается пополам, хочет присесть, его, кажется, тошнит. Зажмуривает глаза. Почему все эти другие люди вокруг него такие спокойные, такие неживые?

Цын лежит на траве, смотрит в небо. А что там в небе может быть нового? Тучи бегут себе, нагуливают бока. Солнце клонится к реке. Точно будет дождь. Стало прохладнее. Он делает глубокий, судорожный вздох и перекачивается на бок. Собаки роются в рюкзаке. Глупые, что они рассчитывают там найти? Тетрадь по химии? Правда, внутри может пахнуть чипсами. Одна псина треплет зубами блокнот с рисунками и мотает головой. Двое бомжей курят, сидя на ступеньках заброшенного речного вокзальчика. Издалека доносится их говор. Кажется, Цын даже чувствует их запах.

Пошатываясь, он поднимается на ноги. Весь мокрый. Волосы торчат. Почему-то ноют десны, так бывает, когда стоматолог берется счищать камни. Сильно хочется есть. Цын осторожно подбирает рюкзак. Пробует потянуть на себя остатки блокнота. Собака рычит. Вокруг разбросаны смятые, пожеванные листки с рисунками. Остальные собаки уже занялись чем-то другим. Но эта еще долго бежит за ним – до самой остановки.

Домой, в Зеленый Бор, идет единственная маршрутка. Цын плетется к остановке, то и дело оглядываясь. Из-за рисунков ему досадно. Но он чувствует себя так паршиво, что решает оплакать их потом.

А ведь в блокноте был такой роскошный волк. И у него из-за ушей вставало два разных солнца.

А река продолжает течь.

Собака находит брошенный гамбургер и вгрызается в обертку.

Цын поднимается по насыпи к мосту и оборачивается. Отсюда старое колесо обозрения похоже на руль допотопного игрушечного речного трамвайчика, который дети воткнули в песок, когда бросили играть. Они позабыли про свои забавы и разошлись по домам, потому что их позвали обедать.

У Цына урчит в животе, он трясет головой и быстрым шагом топает к остановке.

2. Подпись по касательной

Как всегда, когда он приближается к своему дому – ухоженному трехэтажному таунхаусу из светлого кирпича, окруженному аккуратно высаженными невысокими молодыми кедрами, его охватывает чувство неловкости. В ограде детского сада напротив, через дорогу, гомонят дети, выведенные на прогулку. Серой, безглазой стеной старый-престарый детский сад смотрит на Цына и будто бы вздыхает беззвучно:

«Да. Работаю еще. Как могу, так и работаю. Ну, а ты? Богдан Верховицын» (для краткости и удобства с самой начальной школы просто Цын), чем занят? Ничем? И сегодня опять такая же, выходит, у тебя унылая рожа? Топаешь питаться к маме с папой? Рисуешь в своей голове (и на бумаге) всякую ерунду? Выходит, бесполезный ты? Бесполезный...»

Майскому солнцу верить нельзя. Оно быстро сдается безо всякой борьбы. Вот его уже и вовсе нет. Начинает накрапывать дождик.

У себя дома Цын привык пребывать в напряжении. Здесь все ждут от него чего-то. Ждет отцовский диплом об окончании высших маркетинговых курсов престижного университета Гонконга на стене в прихожей. Ждет мамина награда «Человек года» на стеклянной полке у зеркала. Ждут несколько детских, веселых грамот младшей сестры, Майи, с городских и областных танцевальных фестивалей. По мере того, как человек продвигается в глубь жилища Верховицыных, его повсюду сопровождают свидетельства семейного успеха.

Но увы, ничего-то здесь нет про Цына-троечника, балбеса и мечтателя. Видимо, дорогие папа и мама, ваш сын - не будущая акула бизнеса. Не публичная фигура. Не достояние города-миллионщика. Не хитрый лис, охотящийся тайком на тропинках в глухом лесу, где каждый норovit сцапать каждого. Он маленький чужестранец. Лохматый эльф, потерявшийся под гигантскими секвойями вашего успеха. Он вообще, наверное, предпочел бы забиться поглубже в мох. Чем же ты будешь промышлять здесь, глупый малыш? Как спасешься? Как не дашь себя погубить?

«Богданчик-марципанчик, - дразнится младшая. - Фэнтази стайл».

«Но кто тогда продолжит семейный бизнес? – мрачно вопрошает папин взгляд, останавливающийся за семейным ужином на старшем сыне. – Кто

подхватит эстафету? Ради кого и ради чего я работаю день и ночь, не зная отдыха?»

Цын, по привычке приподняв плечи и стараясь не зацепить взглядом свидетельства семейных достижений и побед, проходит в столовую. Голова еще немного кружится. Новая домработница, бледная и испуганная, сражается с десятиметровым шлангом супермощного пылесоса. Мама в нетерпении хмурится, разглядывает маникюр и постукивает пальцами по столу. Она в деловом костюме. На низком старте.

При виде сына она вскакивает с заметным облегчением. Хлопает его по руке и неодобрительно косится на несчастную уборщицу, которая безуспешно пытается смотать шланг. Цын припадает к кулеру с фильтрованной водой и выпивает пол-Тихого океана. Между тем его стремительная, энергичная, востребованная мама уже летит к входной двери. Она его поджидала с нетерпением. Нельзя же оставить новую уборщицу в доме одну - человек еще не проверенный.

- У меня тренинг, - на ходу сообщает она Цыну.

- Угу, - согласно мычит он.

Давно уже и без слов научился распознавать такие вещи по тонкостям деловой одежды.

Мама недолго возится в прихожей.

- Последний день в школе? Поздравляю, с тебя тортик.

Цын возмущенно фыркает. С него же еще и тортик! Хватает со стола из корзины с фруктами грушу и впивается в нее с совершенно безумным, зверским выражением лица. Сладость немного успокаивает его. А вообще-то хорошо бы, конечно, тортик! Вот если бы младшая сестра была из тех, кого пинком можно было бы отправить в кондитерскую...

Мама-ведьма, она умеет читать мысли своих детей.

- Майя на танцах.

Что ж, Майя всегда на танцах. Хотел бы он, чтобы его рисование («Каракули и ничего не разобрать – беззастенчиво комментирует младшая») вызывало в родителях такой же энтузиазм...

- На плите суп со свежим шпинатом.

Цын морщится, нет, откровенно кривится. Хорошо, что мама не видит. Он не одобряет здоровое питание. А также фитнес, бег и йогу, к которым она

пытается приучить всю семью. Вернее, одобряет. Пока это не касается его лично. Оздоровливайте себя сами, пожалуйста. Без него. А он любит нормальную еду - гамбургеры, чипсы и суши.

- Хорошего дня, - не забывает пожелать мама.

Цын неопределенно мычит с набитым ртом. Он не перестает думать о том, что случилось под мостом. В висках еще немного шумит. Ноги как у цапли – в смысле, длинные и непослушные. В груди что-то сжимается, наверняка что-то живое.

Страшновато жить на свете.

Проводив маму, магнитная входная дверь едва слышно всхлипывает. На переднем дворике, рыча, заводится аккуратная, чистая красная машина.

Цын, не глядя на уборщицу, которая в обнимку со шлангом беспомощно ему улыбается, набирает из холодильника пригодной для реальной подзаправки снеди и отправляется к себе в комнату, наверх. Он устал, он растерян, он хочет побыть один.

Он напряженно размышляет.

НЕУЖЕЛИ СНОВА?

Но почему именно сейчас?

Кажется, спустя одно-единственное неуловимое мгновение Цын просыпается внезапно, как от толчка. Словно снова кто-то толкает его меж лопаток, в спину. Темно. Из открытого окна пахнет дождем. Сосновый бор в проеме рамы, обрамленный колышущимися шторами, совсем черный.

Цын вытаскивает из-под бока карандаш, что имел наглость впитаться ему в ребро. Отодвигает подальше большой домашний альбом. Любимый дневник спокойствия. Как же он умудрился на него улечься? Угол листа, где он рисовал, пока не заснул, загнулся. Школьный костюм, немилый и ненужный больше, прозябает на стуле, рубашка скомкана на полу. Коробка из-под пиццы, словно мертвая серая птишка, раскинув крылья, валяется на столе. Интересные в темноте получаются силуэты у обычных предметов, отмечает Цын мимоходом, надо бы запомнить и потом зарисовать. Он ерошит волосы. Ему снилась какая-то неприятная ерундень...

Почему он проснулся с таким дурным, тревожным чувством? Будто съел гнилой апельсин.

- Извинения, - бесстрастно осведомляется женский голос откуда-то из района встроенного шкафа. - Следует продолжать?

Бедный Цын подскакивает и скатывается с дивана, больно стукаясь локтем о пол.

Это кто еще здесь? Воровка? Конечно, наверняка, это воровка. Уборщица! Затаилась тут и теперь... Шантаж! Кто она такая вообще? Эти домработницы у мамы каждый месяц меняются. Она их так усиленно дрессирует, что те сбегают. Здесь в округе несколько таких же пентхаусов, как у них, и везде есть что взять. Но у них в доме кругом магнитные замки. Как же так? Он должен нащупать мобильник. Быстро действовать, не тормозить. Где телефон?

- Я сейчас охрану вызову, - хочет сурово и властно отчеканить Цын, но голос его не слушается.

Полицию. Охрану. Папу. Всесильных скандинавских богов.

- Хррраааррр, - вырывается из груди.

Женщина, вся какая-то серая, очень высокая и точно так же, как и те странные люди сегодня днем в его видении, похожа на тень.

Она уверенно и бесшумно подходит ближе.

- Комитет извинения, несильная путаница. Должно сделать это перед голосование. Пожалуйста, подпишите по касательной.

И выражается как-то странно, словно не на родном языке говорит.

- Что-что? – хрипит Цын, а сам глазами рыщет по комнате – как ему сбежать?

Сигануть в окно со второго этажа? Там внутренний дворик с мамиными газонами, и ворота закрыты на глухой замок. И где клятый телефон? Эта тетка что, его разводит? Сейчас будет требовать кэша. Потом обманом, аферой переписет на себя весь дом. Папин бизнес. Мама станет промышлять уборкой. Конец шпинатному произволу. Но причем тут он, бедненький, славненький Богданчик? Он же несовершеннолетний. Он маленький, спасите его! Пусть все странные тетки сгинут! Пусть она уйдет!

От папы Цын слышал истории о борьбе за участки «вкусной» земли в центре города, о том, как людей похищали, увозили куда-то, заставляли подписывать «левые» бумаги.

Ему страшно, очень страшно. А вдруг именно сегодня ночью его убьют? Нет, пусть лучше когда-нибудь в другой раз.

Женщина между тем совершенно не разделяет его беспокойства. Она протягивает Цыну совершенно прозрачное, пустое «поле» – что-то почти незримое, призрачное, висящее в воздухе, похожее на едва светящийся прямоугольник-планшет.

- Только что зачитан – ваше согласие на должностное. Можно быть повторено еще раз. Но не обязана...

Это какая-то тупая версия гугл-переводчика. Восстание машин. Терминатор Касперского. Ему все это снится. При любой болезни-напасти мама говорит обычно:

«Это все из-за плохого иммунитета.»

После чего они всей семьей кидаются повышать иммунитет.

Но если это снова ОНО? НЕУЖЕЛИ ВЕРНУЛОСЬ?

Придется опять тащиться к врачу. Цын ненавидит, когда его водят к «специалисту». Мама считает, что без психолога нынче никому не прожить, даже детям. Надо быть готовым дать отпор. Кому? Да всем! Все против тебя! Надо уметь создавать персональную зону ответственности. Уметь охранять личное пространство. Цын ненавидит тесты. Он ненавидит все это. Он просто хочет, чтобы его оставили в покое. По крайней мере, в собственной комнате.

Цын хочет рисовать. И до свидания.

Бедный, бедный малыш. Он трет глаза. Снова начинает болеть голова. При взгляде на этот ее «планшет» подступает тошнота, как тогда – под колесом обозрения.

Цын отползает к стулу, пиджак падает ему на голову, он в ужасе отбрасывает его, будто ядовитую змею.

- Как я это подпишу?

Вот пристала. А сама ни ручки не предлагает, ничего.

- О, простым касательным. Это достаточный.

Что это она несет?

Цын вдруг замирает. Он видит в зеркальной двери раздвижного шкафа напротив свое отражение. Темный, сжавшийся в комок силуэт. Никого рядом с ним нет. Он вдруг четко осознает, что посреди ночи разговаривает сам с собой в совершенно пустой комнате. Никого здесь нет. Это просто спросонья показалось. Дурной сон. Нервное возбуждение. Целый год напряженной учебы в лучшей гимназии города, где с них дерут три шкуры. Сейчас все пройдет. Больше ничего не случится. Его трясет.

Надо это прекратить, а то будет больно, страшно, обидно, как тогда...

Но этого больше не повторится. Он не допустит.

ЗНАЧИТ, ВСЕ-ТАКИ СНОВА...

Там, под мостом.... Все началось сегодня... Еще сильнее болит голова. Не дай бог его кто услышит, и вправду опять начнутся таскания по врачам...

Жесть...

Якобы несуществующая женщина тем не менее недовольно сопит.

- Было зачитанный. Приплясок... Нет, не то. У вас как это? Призывник?

Цын вздрагивает. Ну вот, приехали. Нет... Только не это. В армию он не пойдет. Ни за что. Но вроде же еще рано? Неужели военкомат дошел до такого страшного, поистине нечеловечески жестокого маркетинга? Это безобразие!

Любой что угодно подпишет посреди ночи у себя в комнате, явись к нему эдакое чудище из военкомата.

Женщина с энтузиазмом утыкается в пустое пространство своего мнимого документа и шарит глазами.

- Дежурник...

Так, все, хватит. Если это правда можно прекратить одним касанием. Даже если это галлюцинация... Если все в его голове... Пусть этот дебильный сон кончится.

И наступит новый обычный день.

Цын, продолжая свои жалкие странствия по полу, зажмуривается и протягивает руку. Его пальцы, а потом и вся ладонь касаются льда. Гладкой льдины. Снова это странное ощущение, будто его целиком погрузили в жидкий газ.

- Благодарно, - удовлетворенно резюмирует женщина. – Успешен.

Наступает тишина. Совершенно обычная ночная тишина. Скоро рассвет.

Какой-то урод далеко-далеко, наверняка на остановке, начинает орать:
«www.leningrad.spb.ru».

Люди радуются майскому теплу кто как может. Цын, весь мокрый, не сразу решается открыть глаза. Он долго, очень долго сидит на полу, свесив голову, вцепившись в край дивана. Пальцы слегка покалывает. Майку хоть выжимай.

Он смотрит в зеркало, но оно ничем не может ему помочь.

Сейчас он встанет, включит ноут и жестко рубанется по сети с кем-нибудь, кто не спит на другом конце нашей большой бестолковой страны, в какую-нибудь новую адскую стрелялку.

Вот как, выходит. Все-таки он болен, очень болен.

Но на этот раз он никому об этом не скажет, ни-ко-му.

БОЛЬШЕ НИКГДА!

3. Неверия

Класс все же настигает Цына и тащит его в маленькую, популярную кофейню с деревянными скамейками и славными, расписными столиками. Стены тоже разрисованы — веселыми, подмигивающими котиками, поедающими пончики.

Класс неизбежен и беспощаден, как наступление холодов во время цветения черемухи.

Его давняя подруга Кроша смотрится в зеркало, отчаянно полируя губы блеском. С Крошей они последние года три сидят за одной партой. Почему так получилось, он не помнит. И что это значит, тоже до конца не врубается. Хотя, кажется, остальной класс считает их чем-то вроде парочки.

- Богдуня, купи мне кексик, - гримасничает в зеркало Кроша.

Зачем она красит губы, когда сейчас же съест весь этот блеск? – рассеянно думает Цын.

- Мне маман карту заблокировала. За тройки.

Тех, с кем родители дружат, в классе можно по пальцам перечесть. Остальные как-то выживают.

Цын покупает кексиков Кроше и еще пяти своим товарищам, ему не жалко. Ему не блокируют карту. Не ограничивают в расходах. Он может покупать все, что хочет. Ходить, куда хочет. В театры, лофты, бассейны, кино.

Как странно устроена жизнь. Вообще-то Цыну ничего этого особенно сильно не хочется. Как говорится, просто не доставляет. Не заходит и все. Он всего-то иногда должен немножечко почиркать в альбоме. И еще ему просто необходимо для этого мечтать. Фантазировать...

В классе Цын по статусу – эдакая няшечка. По учебе особенно не напрягается. Выглядит актуально. Никого не троллит. Прозрачный, понятный и спокойный. Никогда не выдрепывается и не обижается на глупые шутки. Стабильно платежеспособен и позитивен. Корректен и вежлив. Таких обычно в лицее гладят по лоснящейся шерстке все – и одноклассники, и учителя.

Класс болтает и смеется над видосиками с жирным тюлешкой. Пока все жалеют друг друга, а особенно тех, кто пострадал из-за троек, Цын думает о своем. Он машинально рисует на салфетке крошино лицо, добавляя ей эльфийские уши, аккуратненькое рыльце и резные улиточки рожки. Кроша получается похожей на основательно прокаченного мопса-инопланетянина.

- Прикольно, - миролюбиво соглашается подруга, потягивая через соломинку ягодный смузи.

- Определенно, - подтягиваются остальные.

Цыну досадно, даже когда его хвалят. Да что с тобой не так, чувак? Это все потому, что он постоянно думает об одном - вот если бы и родители считали так же. А не толкали его в бизнес! Ему кажется или дома вообще его никто не слушает? Что он хочет, что ему нужно – это вообще-то для кого-то важно? Конечно, с главным он пока что не определился... Зато это определили за него. С сентября его ждут подготовительные курсы на экономическом факультете университета. Цын вовсе не горит желанием тащить их жесткую программу. И так весь оброс репетиторами, что, впрочем, в их гимназии дело обычное. Эй, остановитесь! Он же простой няша-троечник! Никого не трогает. Сидит тихо.

Класс гудит. Обсуждается день города, и как они все пойдут на салют.

Только не Цын.

- Мне светит летний бизнес-лагерь в Черногории. Вместо фейерверка.

Поднимается оживленный галдеж. Кто-то вспоминает, сколько раз он был в Черногории, кто-то рассказывает о том, куда собирается летом. У всех планы. Кроша призывает замутить флешмоб в инсте «На что я трачу это лето». Крутые пикчи, стильный фуд, модные луки. А действительно, на что я трачу это лето? Цын думает, что гораздо охотнее заперся бы в своей комнате и рисовал всякую (по выражению сестренки, доброй девочки Майи) «муть». На все лето. Вау! У него даже перехватывает дыхание.

После дождя в город приходит совершенно не майская жара. Вместе с яблонями вспыхивает белым огнем черемуха. За ней сирень. Из окна кафеенки видна аллея, усеянная белой пеной цветения.

Сидеть душно. Цыну бы умыть лицо. Возле туалета телефон бренькает. Звонок с незнакомого номера.

- Хочу сказать тебе как друг, так? Ты поступил правильно, когда проголосовал за трансформинг. И что без фокусов подписал вступление в должность. А теперь следующий твой разумный шаг... Алло, ты тут? Слушаешь? Передай свои полномочия Комитету, брат. Зачем тебе вся эта шняга?

Цын отключается. Схватив рюкзак («Извини, народ, срочный звонок из дома, без меня там никак») с пылающими скулами срывается и вылетает на улицу.

НУ, ЭТО УЖЕ СЛИШКОМ!

Так. Спокойно. Только спокойно. Что бы это ни было, найдутся объяснения. Найдется лекарство. Рано или поздно. А пока - спокойно.

Он идет туда, где зимой молодежь катается на бордах. Зеленый бор плотно обступает покатую безлесую ложбину у озера, сейчас вместо снега покрытую молодой сочной травой.

Сегодня после дождя над этим местом висит едва заметная радуга.

Цын валится на землю неподалеку от застывшего в бездействии подъемника и, сильно нажимая на карандаш, начинает неистово «калякать» в новом блокноте. Он рисует себя, конечно, немного приукрашивая. За спиной - мощные крылья. Лицо суровое и решительное. Скулы, глаза... Развевающиеся волосы. Он бы с удовольствием сейчас улетел куда-нибудь. Но вот куда?

Однако сегодня на окраине ложбины, там, где невнятная тропинка уводит в лес, к небольшому озерцу, наблюдается какое-то движение. Группа людей, издалека кажущихся болезненно-тщедушными, бледными, одетыми в рванье, ставит палатки. Они вытаскивают из баулов свой нехитрый скарб, видимо, собираются обосноваться тут. Возможно, на все лето.

«Похожи на утопленников, - решает Цын. - Ходячие русалоиды».

Гастарбайтеры или цыгане? Цыну не нравится, что они нарушают привычный безлюдный пейзаж. Он рисует вокруг своего героического лица стайку надоедливых шмелей со злыми лицами, очень похожими на лица его школьных учителей и некоторых одноклассников.

Между тем он замечает краем глаза, что все эти люди внизу все больше напоминают каких-то призрачных подводных жителей, словно по инерции влекомых течением по дну реки. Чтобы отвлечься от странных мыслей, Цын рисует в блокноте цветок, у которого вместо листьев на стволе растут птицы. Бедные птицы рвутся на волю, но не могут улететь. Потому что ногами намертво держатся за ствол. Они просто иначе не могут. Они не созрели еще. Нет, Цын не хочет в бизнес-лагерь. Он вообще не хочет изучать бизнес. Это не его, как папа не понимает?

Но вот беда... СНОВА ЭТИ ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

Бедный ребенок, он так переживает. Мамины психологи не зря топтали тропинки в его детском сознании. Он взял привычку анализировать. Мысленно ставить себе баллы.

Только рисование и спасает.

Но вот какое-то особенно яркое пятно внизу привлекает его внимание.

Полная девушка в потертом джинсовом комбинезоне и кислотно-оранжевого цвета майке суется у палаток, что-то кричит, помогает тащить вещи. В какой-то момент она замечает Цына и зачем-то начинает спешно подниматься к нему на холм.

Он решает нарисовать большое сказочное животное, каких нет на свете. Животное доброе, но бесполезное. Беспомощное. Может, даже оно тонет в болоте. Или его ногу грызут другие, более успешные твари. Более пронырливые и приспособленные к действительности. Цын с усердием утыкается в блокнот.

Когда, на минуту отвлекшись от своих рисунков, он поднимает голову, девушка уже стоит перед ним и улыбается во весь рот. Он замечает, что рот у нее большой, а зубы ровные.

Цын осторожно подгребает рюкзак под себя.

«Сейчас денег станет просить,» - досадливо проносится в голове.

Он морщится.

Девушка очень смуглая, но на вид вовсе не цыганка. Вероятнее всего это сильный загар - почернела от долгого пребывания на солнце. И на утопленницу не похожа, вполне упитанная и румяная. Одета неряшливо. Футболка местами линялая, и ух как режет глаза, до того яркая.

Незнакомка совершенно беззастенчиво смотрит прямо на Цына, будто только его тут и поджидала. Она дышит часто, глубоко и ровно, а ведь подъем был довольно энергичным. Цын, смущаясь, опускает глаза на ее старые кеды с разноцветными шнурками.

Между тем девушка продолжает улыбаться так, будто всю жизнь мечтала с ним встретиться.

- Вы?... – она сверяется со своим запястьем, где у нее прямо поперек руки что-то написано маркером. – Богдад Верховицын?

- Богдан, - сварливо уточняет Цын, не поднимая глаз.

Ну, а этой-то что от него нужно?

Она радостно хлопает себя по увесистым джинсовым ляжкам.

- Извините.

И, заправляя свои неопрятно свисающие волосы за уши, совершенно безо всякого стеснения усаживается на землю рядом с Цыном.

- Надеюсь, я не опоздала. Они уже предлагали вам отказаться?

Цын ерзает.

- Отказаться от назначения? – уточняет она и, наклоняясь, внимательно заглядывает Цыну прямо в глаза.

Вернее, пытается поймать его взгляд, потому что он начинает судорожно искать в реальном мире какую-нибудь нормальную опору. Ну, вот сейчас опять все начнется. Если бы было зеркало, в эту минуту он бы снова увидел, что сидит на холме совершенно один...

Но ее глаза... Они немножечко разные, самую капельку – один светлее, похож на кофе-латте, другой – на американо, совсем темный. Цын долго не выдерживает этой муки и, чтобы спастись, бездумно уставляется вдаль, на палатки.

Он решает усердно делать вид, что ничего особенно странного не происходит. Сидим. Молчим. Смотрим на мир. Действительность нас не шокирует. Мы – часть вселенной.

Девушка охотно переводит взгляд туда же, куда и он. Сгусток энергии, она полна энтузиазма.

- Это беженцы. Только что прибыли. Умаешься, пока всех разместишь.

У Цына, кажется, недовольное лицо. Она поспешно добавляет:

- Не волнуйтесь, они тихие. Никому не помешают. К тому же, - толстушка, смутившись, опускает глаза. – Их немногие могут видеть.

Цын вспыхивает. Больше всего он хочет ткнуть в эту наглую девицу карандашом, пронзить ее насквозь и убедиться, что никого реального перед ним нет. Сейчас. Надо на это решиться.

Какая Черногория? Психушка по тебе плачет, Богданчик!

НА ЭТОТ РАЗ ТОЧНО.

Со всеми удобствами. И там изучение бизнес-процессов раем покажется.

О чем думает несчастный подросток, застигнутый врасплох коварной реальностью, которая решила ему изменить?

О чем он думает, когда понимает, что его сознание ему больше не принадлежит? Что его захватили инопланетяне?

Завтра придется признаться... Сначала опять как в прошлый раз - к маминному окулисту проверить глазное дно. А там закрутится, пойдет-поедет... Может, хоть с этим бизнесом отстанут. Интересно, психам позволяют рисовать сколько им вздумается?

НУ, НЕТ!

Он вскакивает, бежит, спотыкается, теряет равновесие. Наконец выравнивает шаг и начинает размашисто шагать в сторону дороги, к муниципальному детскому садику со скучными стенами. Да, в этом спасение – быть поближе к тому, к чему привык. И подальше от всякого непонятного бреда.

Девушка вслед за ним медленно поднимается, задумчиво смотрит Цыну в спину, отряхивая руки от налипшей сухой травы.

- Вы только, пожалуйста, не отказывайтесь, - кричит она. – Ни в коем случае. Что бы они вам ни предлагали! Если что, приходите прямо сюда! Меня зовут Неверия.

Она прикладывает руки рупором ко рту.

- Не-ве-ри-я!

Цын судорожно запихивает блокнот в карман рюкзака, добывает запутавшиеся наушники, на ходу пытается укротить их. Вскидывает рюкзак повыше и наконец, как есть, перепутанные, кое-как вставляет гаджет в уши. Дрожащими руками наугад находит на телефоне самую громкую музыку.

Хорошо, пусть это будет олдскульный 30 second to Mars. Дружище Джерад знает толк в том, что способно сбить людей с толку. Пусть реальностью будет что угодно, только не то, что с ним сейчас происходит.

Мир смотрит на меня. Я смотрю на мир. Шок. Ропот. Смятение. Буря. Безумие.

Трепет...

Котики. Надо попробовать думать про котиков. Парочка умильных котиков с толстыми короткими лапками.

Няш-мяш-няш-мяш...

- Простите, я не знала... Наверное, вам ничего не объяснили. Они должны были объяснить. Обычно это так делается. Всегда. Но вы главное - не отказывайтесь.

Почему он ее слышит? Голос звучит жалостливо и немного испуганно.

В голове?

Она не пытается его догнать. Вместо этого все время оборачивается и смотрит на палатки, видимо, беспокоится за своих «утопленников-беженцев», ей нужно туда, там ее ждут.

А радуга так и висит над оврагом.

Девушка снова кричит Цыну вслед.

- Очень вас прошу. Пожалуйста!

4. Тупая консультация

Папа, Алексей Андреевич Верховицын, похож на большого, ухоженного марала. Цын видел живых маралов, когда они всей семьей ездили на Алтай. Сколько лет ему было, он не помнит. Но в памяти осело. Маралов держали в маральнике рядом с базой, где останавливались туристы. На ужин подавали маралье мясо на гриле. Цын четко помнит, что тогда подумал: неужели никому не страшно? Вот ходит прекрасный, красивый, гордый самец. А вечером он уже гриль. Он на этой базе в деревянном домике спал плохо, все время прислушиваясь, не кричит ли какой-нибудь марал оттого, что его режут.

Кажется, именно тогда он начал рисовать «всякую ерунду».

И тогда же он и увидел их в первый раз.

НО НИКОМУ НЕ СКАЗАЛ.

Проклятые ходячие русалки. Они стояли возле ограждения в маральнике и смотрели на него. Будто заключенные концлагеря. Такие же, как и те, другие люди под колесом обозрения, похожие на тех, что копошились внизу, под холмом. Похожие на утопленников. Люди-тени.

Папа ни за что не позволил бы подать свое мясо на гриле, но Цын с тех пор ничего не может с собой поделат. Он смотрит на него и видит, что у того с маралами очень много общего. Папа очень красивый. Может быть, даже самый красивый в их городе мужчина. Сильный. Гордый. Независимый. Но он все время ходит по загону. Места его выгула строго регламентированы. В рамках чего-то там... Бизнес жестоко диктует свои условия. Даже тогда, когда кажется, что никаких условий нет.

Сегодня папа вымотан. Он поглощает рыбу, а думает о своем. Его глаза смотрят мимо мамы, мимо Майи, мимо Цына куда-то вдаль. Мимо алькова с плетеной мебелью, мимо сосен в бору, мимо широкой трассы, по которой в центр города мчатся автомобили. Этот взгляд пересекает границы области, потом, возможно, уходит за пределы страны... Наверное, папа что-то там видит... Может быть, свои активы. А может, проблемы. А может быть, их обеспеченное, понятное и уютное будущее.

Они о чем-то беседуют с мамой. А, это о делах. Цын всегда в таких случаях отключается.

Мама, кажется, что-то спрашивает.

- Некоторые спорные вопросы с местным населением, - нехотя отзывается папа.

Иногда мама уж очень его допекает призывами поделиться. Она считает, что в семье все должно решаться сообща. Если папа грустит, мама желает быть той, кто способен понять и разделить его тревогу.

Цын не любит вникать в дела семейного бизнеса. Он ненавидит бывать в папином офисе, ненавидит разговоры про цены, обстоятельства и детали производства, строительства, бла-бла-бла.... Но уши за столом не заткнешь. По крайней мере при всех. Так что невольно в курсе кое-чего. Папина компания строит коттеджный поселок. А заодно и дорогу к коттеджному поселку. Но на пути – неудобная заброшенная деревенька. Ее обходить – по словам папы «еще несколько лямов».

- Заброшенная? – оживает Цын.

В сознании вспыхивают салюты. Ему видится ведьма, преуспевшая в выкуривании своих односельчан и хоронящаяся где-нибудь в покосившейся хатке. Домик прилепился к обрыву скалы, навис над горной рекой, на краю леса. Вокруг рыщут волки. Нет, лучше волколаки.. Полуоборотни-полуволки... Уууу... Но она одного приручила, белого...

- Почти, - неохотно уточняет папа. – Так, осталась пара-тройка семей.

Цын выныривает из своей фантазийной дремы, с трудом пытаясь вспомнить, о чем речь.

– Алкоголики и бездельники.

Лицо у папы делается жестким и совсем некрасивым. Он решительно втыкает вилку в гарнир - цветную капусту. Здесь Цын с ним солидарен – цветная капуста – зло.

Внезапно вилка взмывает и замирает в пространстве, на расстоянии не таком уж далеком от футболки несчастного школьника, с трудом осилившего очередной год учебной программы.

- На следующей неделе у тебя начинается стажировка в отделе продаж. Войдешь в курс дела. Поднатаскают тебя наши зубры. Съездишь в лагерь, а потом продолжишь работать. Так сказать, в полную силу. Хватит слоняться без дела.

Цын съеживается.

«На что я трачу это лето».

Так вот на что... Оказывается, папа все уже придумал! Вот тебе, Кроша, и флешмоб. Вам и не снились такие развлечения, дорогие одноклассники. Вот бы стать сейчас маленьким-премаленьким как эта салфетка. Или еще меньше.

- Но я не хочу в отдел продаж, - еле слышно мямлит Цын, от страха заглатывая порядочный куш ненавистой капусты.

Мама деликатно опускает глаза. Ее задача – сделать так, чтобы в семье все было хорошо. Мирно и спокойно. Это сложная миссия. Самая сложная из всех.

Майя победоносно впивается взглядом в брата поверх стакана с клюквенным морсом. Сейчас начнется. Маленькая умная сестренка сидит в засаде. Ее выступление, ее выход впереди, она это знает. Майя всегда заранее мысленно «протанцовывает» ситуацию.

Папа откладывает вилку в сторону. Проглатывает еду. Немного помолчать и успокоиться – так всегда мама советует. Если собираешься говорить о том, что собеседник может воспринять как враждебное.

- Не хочу.... Так..., - собирается папа, словно барс перед прыжком через ледяной ручей. – А что хочу? Вот это вот все?

Алексей Андреевич Верховицын рисует рукой в воздухе судорожный, больной квадрат Малевича. У квадрата пляска святого витта, не меньше. Да что там больной, квадрат практически при смерти. Никто не придет на такой посмотреть. Ни один нормальный ценитель искусства.

Майя хихикает. Всем известно, что они с папой – лучшие друзья. У них и шутки похожие. Иногда, между прочим, довольно недобрые шутки.

Цын начинает под столом трясти коленкой.

- Хочу рисовать, - угрюмо бубнит он, убеждая цветную капусту и даже наклоняясь к ней пониже.

Перед глазами от волнения гарнир делается ярко-малиновым, как Мэрилин на картине Энди Уорхала.

Папа устало вздыхает, поднимает глаза и принимается созерцать дизайнерскую люстру. Хорошенько так выдыхает, основательно.

Спаринг начинается. Папа заходит на цыпочках.

- Рисовать... Это хорошо...

Но все знают, что надолго его не хватит. Сейчас он сорвется и даст Цыну в челюсть. В переносном смысле, разумеется.

Из-за занятости родителей у них с Майей было множество нянь. Папа и мама всегда строго следили за тем, чтобы их детей пальцем не трогали. Ни боже мой! Ни при каких обстоятельствах нельзя даже в шутку шлепнуть ребенка. Это оставляет след в сознании. Моральную травму на всю жизнь.

Мама выверенным, точным, киношным движением кладет руку поверх папиной. В деле усмирения домашних она достигла совершенства. И, как умелый дрессировщик, всегда знает, когда достать кнут, а когда пряник. В случае с гневным мужем мама часто использует хитроумные комбинации, пока что недоступные прямолинейному сознанию Цына.

Папа недовольно сопит. Выждав паузу, мама всем корпусом разворачивается к своему непутевому сыну.

- Мы же это обсуждали. Никто не мешает тебе рисовать в свое удовольствие в свободное время...

Папа открывает рот. Мама нажимает на его руку, и папа, как дельфин в аквапарке, получивший порцию рыбы, послушно закрывает рот.

- Мы ведь ходили на консультацию?

Ходили на консультацию! Ха! Цын от возмущения весь розовеет.

- Это была тупая консультация! – взрывается он.

Тупая! Тупая!

- Заслуженный художник, - с улыбкой, до краев напоенной невозмутимой уверенностью, начинает беспощадно перечислять мама. – Член союза дизайнеров. Ведущий преподаватель художественной академии...

Тупая! Тупая! – стучит у Цына в висках.

- Что она сказала?

Да, что она сказала? – написано на торжествующей физиономии у Майи. Она-то знает. Ха! Вот вам издевательская улыбочка. Получите. Майя – солистка ансамбля современного танца «TOPDance», весьма успешного, самого лучшего в городе. Между прочим, она уже несколько раз танцевала на приеме у губернатора. А папа сидел слева.

«Особенных способностей я здесь не вижу»... Вот что она сказала, эта килька сушеная. Так бы и плюнул в рожу. Заслуженную.

«Но каждый может заниматься рисованием как хобби. Есть много кружков, студий...»

- Да баловство все это, - папа высвобождается из пут маминых уловок и снова принимается за еду.

Он уже взял себя в руки.

- Я в свое время фантики от жвачки собирал. Потом за них бои во дворе устраивал.

И многозначительно добавляет:

- На деньги! А потом уже, - взмах рукой, снисходительно, – ларьки, пиво, то, се...

Папа себя сделал сам. Едва закончив школу, он начал «крутиться».

Институт осилить не получилось, надо было кормить семью. Но его сын ни в чем не будет нуждаться, он-то получит самое лучшее образование, какое только возможно.

«Особенных способностей я здесь не вижу».

Мама, мягко улыбаясь, гладит сына по плечу. Цын дергается. В уголках губ у мамы появляется некоторое напряжение. Она уже предвидит проблемы будущего года, когда придется все же сделать выбор, в какой вуз поступать. Ей нужно быть сильной. И направить в благодатное русло этот строптивый фонтанчик энергии. Чтобы потом никому не пришлось жалеть, что время упущено. Чтобы плоды, выросшие у фонтанчика, не напитались горечью. Кто ж любит горькое-то жевать?

Майя сузившимися глазами наблюдает за братом. У нее по математике круглые пятерки. В своем пятом классе она из олимпиад не вылазит.

Цын в бешенстве. Под столом он с досады пинает сестру в коленку. Чего вообще они к нему пристали? Вон пусть сосредоточатся на ней – может, это Майя, а вовсе не он - опора будущего их семьи? Надежда? Бизнес-победа? Может, она вообще в президенты будет баллотироваться. И на здоровье. А он постоит в сторонке. Посидит в углу. Пошизофреник там с карандашом в руке в свое удовольствие.

- А я на день рождения заказываю себе новый айфон, - совершенно ровным, спокойным голосом резюмирует Майя.

Вот дети пошли. Ни стыда, ни сомнений, ни романтики. Никаких фантазий. Один голый расчет. Прагматизм. Реализм.

Банкир, а не ребенок.

Эта смотрит в будущее немигающим взглядом.

К тому же она уже все прожевала. Тарелка идеально чистая.

Мама слегка приподнимает брови, как бы призывая – предлагаешь, аргументируй.

Майя не теряется.

- Во-первых, с моего смартфона я не могу установить больше трех приложений, не хватает оперативной памяти. А мне нужен актуальный мессенджер, у нас в классе у всех уже есть. Учительница создала группу и скидывает задания. Во-вторых, сейчас летние скидки до 50% во всех сетях, можно найти подешевле. Я провела исследования, и могу сказать, где самые низкие цены.

Цын хрюкает и от греха подальше снова набивает рот капустой. Пусть ему будет плохо, очень плохо. Еще хуже, чем сейчас. Честно говоря, он восхищается сестрой. Он хотел бы, чтобы она была его личным менеджером, агентом, директором, кем угодно и привела бы его к успеху. И тишине. Только бы все они от него отстали с этим бизнесом.

Мама понимающе улыбается. Ее улыбка выглядит одинаково впечатляюще и мотивирующе – и в семейном кругу, где все свои, и на постерах, рекламирующих мамини тренинги.

Деловое общение как искусство. Наука красноречия. Коммуникация в бизнесе.

Как хорошо, что они переключились на младшую. Папа соглашается с удовольствием.

- Возражений нет.

Какие тут могут быть возражения, у человека в году сплошные пятерки. Вопрос решен.

Глава семьи вытирает губы салфеткой. Он наелся. Когда-то давно, в особенно трудные времена, он дал себе слово. Его дети ни в чем не будут нуждаться. Его семья – на первом месте. Она - главное. Он никогда ни в чем не отказывает своим детям.

Ни-ког-да.

- Я же купила торт! – спохватывается мама и соскакивает из-за стола к холодильнику. – Только натуральные ингредиенты.

В самом деле! Должны же они отпраздновать конец его мучений в этом году?

Мама осторожно целует сына в висок.

- И всем билеты в Оперный.

Майя осторожно хлопает в ладошки. Она любит Оперный. Правда, любит. Где вы еще увидите детей, которым нравится слушать, как поют толстые дядьки и тетки? Да еще и на итальянском. Цын отстраняется от мамы, закатывает глаза и медленно сползает под стол.

Оперный! Да вы шутите? Ну, что такое, а? В самом деле? Может, он приемный ребенок в этой семье? Может, его подкинули эльфы? Забросили, забыли, потеряли по дороге, когда убегали от преследования...

Люди разорили их деревню в лесу, когда строили дорогу к коттеджному поселку... Мама-эльф выронила люльку с малышом (из душистых лепестков прекрасного сияющего цветка), в последний момент успев посыпать его лунной пылью, чтобы он стал хотя бы немного похож на остальных людей...

Для полной погруженности Цын закрывает глаза. Он почти видит это мерцающее, мифическое лицо – доброе, нежное, которое смотрит на него с любовью и болью... В последний раз... Остренькие ушки, необычайно тонкая шея, огромные лазоревые глаза, золотистый платок на голове. Папа – король эльфов...

- Тебе кусочек с зефиринкой или без? – медовым голосом спрашивает беспощадная Майя, хотя и так знает, что он ненавидит зефир.

5. Письмо от Пьердоминико

Он снова встречает ее в торговом центре. На улице невыносимая духота, а здесь кондиционеры, хорошо. Последние выходные перед мучением в папином офисе. В холле между бутиками смилившийся, побежденный Цын вялится на пуфике, углубившись в телефон в ожидании своей школьной подружки Кроши, которая меряет одежду в салоне напротив.

Эта Немелия, или как ее там, она совершенно не подходит для такого места. Мало того, что ее одежда не новая, так она еще и не сказать, чтобы чистая. Волосы в беспорядке. На локте вообще красуется черное мазутное пятно. Но девушку это совершенно не беспокоит. Она плюхается на скамейку рядом с Цыном и хлопает его по плечу.

- Ты что, меня преследуешь? – искренне удивляется Цын.

Добродушная, широкая улыбка в ответ. Она принимается беспечно болтать ногами в старых кедах с разноцветными шнурками. Смотрит на них с нежностью.

- Эти кедики, знаешь, где только что побывали? Патогония, слышал?

- Ты не ответила.

Теперь она задумчиво смотрит куда-то вдаль, поверх вывески салона, что напротив. Потом еще немного, пристально – на Цына. Он не может вынести ее взгляд. Она таращится на него беззастенчиво, доверчиво, как-то непривычно - по-настоящему, по-детски что ли. Так смотрит тот, кому от тебя ничего не нужно. Он просто смотрит и все. Безо всякой задней мысли. К тому же он замечает, что у этой странной девушки имеется неоднозначная привычка пододвигаться к собеседнику слишком близко. Нарушать, так сказать, зону личного пространства. Так выразилась бы мама. Цын ерзает и слегка отодвигается. Тихонько, так, чтобы это не выглядело слишком уж явно.

- Ну, давай считать, что я тебя немножко опекаю. Совсем немножко. Самую капельку.

Цын фыркает и, пользуясь моментом, еще немного отодвигается.

Она как будто бы с другой планеты.

- Шучу. Просто у меня для тебя письмо.

Девушка в оранжевой майке достает из кармана комбинезона смятый листок и помахивает им. Цын, заинтригованный, ловит его и разворачивает. Там – какие-то неразборчивые каракули. Она тут же бесцеремонно выхватывает листок обратно.

- Это по-португальски, я переведу. Он вообще-то был итальянец по отцу. Но всю жизнь прожил в Лиссабоне.

- Это точно мне письмо? Но от кого? – ошарашенно интересуется Цын, он сроду не получал бумажных писем. – Кто прожил в Лиссабоне? Кто итальянец?

И вот опять бедняга попал на какую-то скользкую дорожку, с которой хорошо бы поскорее сойти.

- От Пьердоминико, твоего предшественника. Который до тебя дежурил.

И без дальнейших объяснений начинает читать.

«Дорогой незнакомый друг. Я узнал, что умираю (он и вправду умер совсем недавно, недели не прошло, - быстро добавляет Неверия). И решил написать вам. Не знаю, в какой стране вы живете, чем занимаетесь и сколько вам лет. Говорят, это всегда лотерея, и справедливости здесь никакой нет. Быть дежурным, (?) не знаю, как они назовут это на вашем языке, просто. Если делать вид, что ничего не замечаешь. Мое дежурство оказалось коротким, и я почти ничего не успел. Главной моей задачей было регистрировать беженцев, которых в последнее время стало очень много. И это только официальных....»

На этом моменте Неверия слегка конфузится и хмыкает.

«...Так что, честно сказать, я не справлялся. Это работа нетрудная и к ней быстро привыкаешь. Опять же, если не вникать в подробности. Но ведь есть еще и своя жизнь, семья... Но вам, возможно, повезет меньше, и придется принимать решения посерьезнее. Информации четкой нет. Но единственное, в чем я уверен - хорошо бы каждый жил в своем мире, и не совал нос в другие. Наверное, это уже невозможно. Я не умею писать красиво. Раньше работал электриком, но теперь на пенсии. Никогда не думал, что мне выпадет дежурить. Хорошо, что есть те, кто вам помогут. Прислушайтесь, что они скажут. Иначе будет очень трудно. Почему? Очень уж много непонятного. И многие захотят, чтобы вы поступали по их, а не по вашему. Быть может, вы даже решите отказаться или подумаете, что сошли с ума. Я тоже сначала так рассудил. Но это не так. Я желаю вам мужества, дорогой незнакомый друг. И пожалуйста, если вы здоровы, молоды, если есть силы, не передавайте свою очередь. Потому что следующим может оказаться кто-то, кто не сможет с этим справиться. Вот главное, что я хотел сказать на прощание. Остальное узнаете сами.

Главное – не бойтесь. Это ни к чему. Да и не поможет.

Пьердоминико Песторио. 67 лет. Лиссабон...»

- Как, говоришь, тебя зовут? – поспешно перебивает Цын.

- Неверия.

Она складывает листок и подает ему. Цын жестом отстраняется. Уже и без того достаточно бреда.

- Странное какое-то имя. Это ник? Ты что, играешь во что-нибудь? Квест? Анимэ?

Она пожимает плечами.

В глазах появляется грустинка. Цын не знает, как объяснить, но это две разные степени грусти. Тот глаз, что потемнее - горькая безнадежная грусть, а что посветлее - грусть с оттенком надежды. И еще Цыну кажется, что ее глаза как бы старшее ее самой. Он растерянно моргает. Это все привычка фантазировать. Откуда вдруг в нем такая внезапная и сложная гамма ощущений? Что она за человек?

- Имя... Просто была такая история... Уже тут, у вас. Я все никак не могла врубиться, что к чему. Не могла поверить, например, что кто-то может просто взять и убить... А здесь это так просто, прямо привычка у людей. Но это давно было. Забудь... Пристало имя и пристало.

Она заправляет волосы за уши и закусывает губу, будто бы сказала немного лишнее.

- Тут есть еще постскриптум....

Но Цын все никак не успокоится.

- Выходит, ты теперь ничему не веришь?

Девушка немного обиженно опускает глаза. Может, вопрос бестактный? Может, пробуждает в ней неприятные воспоминания? Ну назвали человека Неверией. А его Богданом. Человек не виноват в том, что у родителей фантазии... И так вон какая странная выросла.

- Это, правда, не важно.

- Так вот, Неверия, Нелепия, Нерпия, Нелания, что тебе от меня надо?

- Ладно, - она с силой хлопает его по ноге и выдыхает. – Считай, это была шутка.

Она прячет письмо обратно в карман.

- Я волонтер. И ищу добровольцев.

- Чего? – кривится Цын.

- Работаю с беженцами. Все законно, не бойся. Нам очень нужны еще волонтеры. Помогать. Работы столько, что мы не справляемся. Я набираю команду. Что ты делаешь этим летом?

«На что я трачу это лето?» - вспоминает Цын и начинает смеяться. Что он делает этим летом? А действительно, что? Подвергается насилию, как всегда. Нежный прессинг. Он смеется сначала тихо, потом громче. Ерошит волосы, закрывает ладонью глаза, трет их. А что? Взять вот и слиться бы в этот лагерь беженцев от работы в офисе. Там, в безлесом ложе, его точно

никто искать не станет. Ни папа, ни мама. Просто не поверят, что он на такое способен. Будет жить в палатке. Трещать на македонском, хавать жидкую похлебку, ругаться матом, станет грязным. Зато не надо париться в отделе продаж...

Цын тихонько отползает с пуфика на соседнюю лавочку, подальше от того места, где сидит эта ненормальная с таким же идиотски-дружелюбным и выжидательным выражением лица, как всегда. Жизнь – это боль. Цын машинально достает блокнот и карандаш. Всегда лучше зарисовать свое безумие, чем погружаться в него.

Подходит Кроша с довольным лицом сытой персидской домашней кошечки и бумажным пакетом с покупками. Она и мысли не может допустить, что эта, несвежего вида девушка по соседству, болтающая ногами, только что разговаривала с Цыном.

- Богдуня, я еще на маникюр хотела. А потом в кино го?

Цын мычит что-то нечленораздельное. Кроша молча втискивает ему под бок пакет и упархивает по эскалатору на второй этаж.

- К сожалению, - продолжает гнуть свое Неверия («тяжелая судьба, - понимающе размышляет Цын, бездумно водя карандашом по бумаге, - деревянные игрушки»), - недавно большинство проголосовало за трансформинг. Это значит, здесь у вас, все совсем скоро тоже полетит в одну общую неприглядную кучу. В ту ужасную кучу, где мы все барахтаемся... И никто ни у кого разрешения не спросит. Хотя..., - она с сомнением оглядывает его, - может, есть надежда... Что все-таки спросит...

- У вас? У вас? У кого это, у вас?

Что это значит все в конце-то концов?

Трансформинг... Колесо обозрения возле моста... Сфера, поделенная пополам, зависшая прямо перед глазами. Люди-утопленники-привидения, будто замороженные, смотрят прямо перед собой.. Голосование... Тетка в спальне, протягивающая ему прозрачный планшет. Голос в телефоне...

Откуда она знает? Цын ломает карандаш.

Вдруг лицо девушки делается бледным. Она перестает болтать ногами и напрягается.

- Мне бы сейчас спрятаться...

Эта Неверия - шизанутая. Он оглядывается. Люди ходят спокойно, делают покупки, охранник прогуливается по холлу - ну и здоровяк! Все идет своим чередом.

- От кого? – с кривой усмешкой недоумевает Цын.

- Есть здесь такие личности, с которыми не люблю встречаться.

– Ну, лезь в рюкзак.

Она не отвечает, а тихонечко и незаметно ускользает, сливается с толпой.

Цын решает подышать воздухом. хватает рюкзак, блокнот, роняет сломанный карандаш. Он торопится выйти из торгового центра. Здесь слишком шумно.

По дороге ему в голову без спроса забирается ее умоляющий голос, словно приходит сообщение в телефон.

«Не говори ему про меня».

На выходе Цын задевает плечом того самого охранника, что только что болтался в холле. Это очень плотный мужчина средних лет, борода коротко стрижена, прическа ежиком, глубокие морщины на лбу, темный, южный загар. Белая футболка, кроссовки и синие джинсы. Экземпляр крепкий, видно, что из бывалых. Он ловко ухватывает Цына за локоток, когда тот пытается протиснуться через турникет.

Цын пугается - словно кролик от грозового раската.

- Молодой человек, вы забыли пакет.

Фу, он же наверняка из службы торгового центра. Охранник... Детектив или кто там у них тут есть? Администратор...

И подает Цыну крошины добытки. Он хватает пакет, не глядя, торопится.

- Вы заплатили за покупку?

- Что? – лепечет Цын, - Конечно... Это моя подруга... она...

- Пройдемте!

Бедняга, весь пунцовый, он роется в пакете, ищет чек. Хватает телефон, чтобы набрать Крошу, где там эта звезда со своим маникюром? Неужели она не сохранила чек? Никто не отвечает...

Да почему он должен?...

Вот попал...

Здоровяк конвоирует съездившегося Цына через весь торговый центр. Они идут по холлу, потом коридорами, где располагаются служебные помещения, потом... Громила открывает какую-то невзрачную, серую, стальную дверь.

И выталкивает свою добычу в крохотный внутренний дворик... Не больше той комнаты, в которой у них дома в таунхаусе хранится инвентарь для уборки и тот самый злосчастный десятиметровый шланг мощнейшего пылесоса, что так не любят мамыны домработницы.

Во дворике стоят два уютных плетеных диванчика с подушками, растет тоненькая цветущая яблоня (или не яблоня? Или не растет, а она просто искусственная? И почему цветы отливают какой-то легкой голубизной?). Земля посыпана мелким белоснежным гравием.

- Зови меня Роналду, - сообщает охранник. – Я сотрудник спецслужбы. Твой куратор от Комитета.

Спецслужбы? ФСБ? ФБР? 007? Что это значит? Может, папа что натворил? И голос знакомый...

- Я ничего не сделал, - лопочет Цын, сжимая в руках крошин пакет.

Здоровяк захлопывает за собой дверцу и с облегчением разваливается на одном из диванчиков.

Цын замечает, что если наступать на этот гравий, тот тихонько поет или шуршит, как будто бы камушки переговариваются между собой. Похоже на шум прибоя.

- Ну и жара у вас тут. Садись, чего встал.

И сварливо добавляет.

- Раньше не мог с тобой связаться, в командировке был. Загорал под небом золотым, так сказать... Или голубым? Есть такая песня, так? Нет? Ну и ладно...

Цын пятится и пытается за спиной нащупать ручку дверцы.

- Садись, кому сказал, сейчас все объясню, - рявкает мужик, видимо, теряя терпение. – Крысы эти из Комитета, так? - толком ничего по порядку сделать не могут, все перепутали.

6. Роналду

Мужик зеваает и потягивается.

- И выспаться некогда толком. Есть же интернет, электронная почта, мессенджеры, 21 век тут у вас считается, так? Я звонил тебе, пытался подбодрить, так сказать, да ты, гляди, какой пугливый. Этот, прошлый, до тебя, покрепче мужик был. Мутный только. Все бегал, прятался, таил чего-то. Хоть и старик. Вот и добегался.... Этого нам с тобой не надо, верно?

Опять это «у вас»? У вас? Что это значит?

- Прутся сами, пугают мне людей. Ничего объяснить не могут. Я тут за год почти, так? Во всем разобрался. А они только голову морочат.

Он разворачивает свой хоккейный корпус к Цыну и смотрит пристально. Глаза маленькие и внимательные. Взгляд тяжелый.

- К тебе инструктор Комитета должен был с самого начала, как только выбор прошел, обратиться. Все рассказать, объяснить. Обязанности там, то, се... А уж потом я... со своим, так сказать, выгодным предложением. Но не то время, видать. Не хватает у них сейчас адаптированных.

Цын непонимающе хлопает глазами.

- А наложил поди кирпичей в штаны-то за эти дни, а школота? – весело ржет Роналду и снова от души потягивается.

Он похож на большого резинового пупса, игрушечного, ненастоящего...

Цын осторожно присаживается на краешек дивана. Камешки шуршат, плачут, стонут... Сейчас его будут бить? Вербовать? Вживлять чипы? Заставлять глотать капсулы? Или все это потом? Сердце бешено колотится.

Зонд?!!! О нет, только не это!

- Ты в фб есть?

- Агрх, - еще сильнее пугается Цын и зачем-то задирает голову.

Над ними висит совершенно фиолетовое грозовое небо. Тучи очень низкие, туман клубится, словно скоро что-то неминуемое и страшное коснется их голов...

- Чего ты там бубыкаешь? Сейчас тебя добавлю.

Громила достает из кармана мобильник, кряхтит, сопит и, деловито сдвинув брови, начинает водить огромным пальцем-сосиской по крохотному экранчику. Так, где ты там у нас. Верхотурцев...

Верхолицев... Верховицын... У тебя что на аватарке, небушко-морюшко?
Да отправить запрос, отправить...

- Эээээ...

- Послал тебе видосик с ютюба, зацени.

Мессенджер в телефоне Цына задорно брякает. Бедняга подпрыгивает от неожиданности, крошины покупки валяются на пол. Дрожащими руками Цын борется с всплывающими окнами на экране и с горем пополам открывает сообщение.

- Не то, чтобы я знатный блогер, - с гордостью стесняется Роналду.

Видосик, так...

Космос. Какие-то взвихрения. Млечный путь. Черные дыры.

«Ради спокойствия в Единой Системе Миров (ЕСМ) мы голосуем за трансформинг – слияние, интеграцию и объединение.»

Планета Земля, океаны, суша, наезд, крупно - цветущие деревья, пальмы. Котик. Ах, да, обязательно котик. Умиротворяющее небо.

«Комитет гарантирует жителям всех миров, входящих в систему, спокойствие, благополучие и уверенность.»

Загородный дом. Люди. Улыбающаяся семья, обнимающаяся на лужайке. Собака приносит мячик.

«Трансформинг обеспечивает ваше лучшее будущее».

Взрыв салютов. Чернота. Еще один оглушительный салют превращается в улыбающуюся физиономию Роналду во весь экран. Зрелище душераздирающее, улыбка зловещая и какая-то неумелая, словно человек прошел курсы дружелюбия, но так и не понял зачем.

Экран гаснет. Цын ошалело кладет телефон на скамейку рядом с собой.

Здоровяк-охранник храпит, задрал голову на диванчике.

Цын послушно ждет. В небе две тучи сталкиваются, грохочет гром, сверху несколько камешков падают вниз. Один из них попадает в лоб здоровяку. Тот, всхрапнув, просыпается. Трет лицо.

- Немножк задремал. Ну, что, все ясно?

Цын смотрит расширенными глазами. Новые, упавшие с неба камешки тихонько ползают под скамейкой, пока не находят себе место. С уютным

утробным урчанием они укладываются, а соседские будто бы приветствуют их. Цын задирает ноги. Вдруг он уже наступил на что-то живое?

- Не обращай внимания. Они чужих не любят, но не кусаются. Сосредоточься. Стандартная презентация. Я адаптировал, так сказать, под ваши местные нужды. Круто, а, зацени?

Цын автоматически кивает. Еще один шизик на его пути. Но почему? Почему? Этот довольно агрессивен, надо бы быть поосторожнее с ним.

ХОРОШО БЫ ДЕЛО ОГРАНИЧИЛОСЬ ТОЛЬКО БЕЗОБИДНЫМИИ ГАЛЛЮЦИНАЦИЯМИ.

Вот до чего он дошел!

- Ты, короче, главное, с кем не надо не общайся. Всякие там миротворцы, противники интеграции. Не надо этого. Никого не слушай. Твое дело – представительское. Сейчас оформим передачу прав и отдыхай. Еще и бонусов получишь – до конца жизни хватит. А она тут у вас короткая.

Дикий смех. Жутковато как-то.

- Но почему?

- Что почему?

- Почему я? Что я сделал?

- Это, бро, традиция такая. Ну, так сказать, шаг навстречу интересам местного населения. Жест доброй воли, так у вас говорят? В каждом мире представителем должен быть тот, кто воплощает чаяния простых людей. Тебя выбрали, вот и воплощай знай себе, а не выдрепывайся.

- Кто выбрал? Почему?

- Вот заладил, почему да почему.

Роналду вытаращивает глаза и пугающим жестом всем корпусом подается к Цыну.

- Случайный выбор, вот почему. Говорю же, традиция, так? Каждый раз случайно это все. Твое дело подпись поставить, а возиться с этими дохляками... Не стоит. Просто формальность. Будешь у нас символом мира во всем мире. Живи себе дальше и радуйся. И. Заметь, можно так устроиться, что будешь жить долго и очень-очень даже приятно...

«Кому в голову пришло назвать его Роналду? – с ужасом думает Цын. - Роналду худой, юркий, маневренный, красивый, даже немного смазливый. А это... Он же способен носорога в зоопарке задушить голыми руками, просто так, без ничего.»

- Ты все понял? Будешь сидеть тихо, вести себя правильно, делать что скажут, у тебя все будет, чувак. Подумай. Этот старый хрен Пьердоминико – таким хитрожорпым оказался. Не ожидал от него такого, так?

Цын вздрагивает, вспоминая письмо.

- Ну, помер, и хорошо. А мы традиции чтим, усек? Букву закона, так тут у вас говорят? Так что теперь твоя очередь.

Громила крутит пальцами в воздухе и ухмыляется.

- Не помирать в смысле, а это.. другое.

- Я ничего не понял, - решительно мотает головой Цын. - Какая интеграция? Куда что интегрируется? Что такое трансформинг? – при этом слове все внутри у него екает.

Он шаркает ногами под скамейкой. Белые плоские камешки взвизгивают, будто им больно.

- Вот! – Роналду поднимает палец вверх, - вся беда вашего мира в том, что вы мутные! Все мутные, все поголовно! А не только этот португалец и кто там был до него, не знаю, не занимался. Все тянули чего-то, прятались, юлили. Водили, так сказать, дружбу не с теми. Уже сколько лет, так? Про Единую Систему знаешь? Нет? А, вот, потому что до сих пор у вас об этом не говорят. С одной стороны, оно правильно – зачем баламутить население, а с другой – сильно работать тяжело. Есть множество миров, чувак... И так бы они и жили сами по себе, каждый в своей раковине, так? – если бы однажды хорошим ммм... будем считать что по-вашему, людям пришла в головы идея объединить их. Построить единый, новый мир для всех. Улавливаешь? На благо чего? Правильно! На благо всего!

Цын нервно теребит ручки бумажного крошиного пакета. Одна ручка рвется. Может, попытаться его разжалобить?

- Извините, дяденька, а можно я пойду? Мне домой надо.

- Конечно, - соглашается Роналду. – Пойди. Домой пойти - дело очень хорошее. Супчика поешь, компота попей. Подумай. А завтра в обед я к

тебе подскочу. Узаконим твой отказ, и дело с концом. Ты же у нас хороший мальчик? Кто у нас хороший мальчик?

- Я, - радостно соглашается Цын, вскакивая.

Камешки недовольно шипят.

- Ну и отлично, - Роналду оптимистично хлопает себя по ляжкам. – Ну, пошли. А то мне тоже работу работать – не переработать, так?

Цын сгребает в охапку крошин пакет. Охранник открывает дверь.

Дверь распахивается в черную пропасть. Яркие фиолетовые, оранжевые и зеленые огни вспыхивают то там, то тут. Они превращаются в воронки, затягивая в себя черноту. Малиновая вспышка прямо перед лицом Цына. Огромный вздыбленный ящер вылетает из ее центра и пролетает мимо двери со свистом. Ветер от его крыльев сбивает Цына с ног. Он падает прямо в объятия белых камней. Но на удивление приземляется во что-то мягкое, теплое и приятное. Его охватывает ощущение уюта, понимания и тепла.

- Тьфу, да как же задолбали эти курицы из отдела Концентрации...

Охранник-здоровяк рывком за шкурку поднимает Цына и ставит его на ноги. Потом со злостью захлопывает дверь и осторожно открывает ее снова, нажав на ручку.

Коридор торгового центра. Издалека доносится музыка и шум голосов.

Цын не помнит, как добегает до выхода.

- Я кину тебе сообщение, бро, не теряйся! Помни! Твой куратор тебя бережет! И бери трубку, когда я звоню! Не стесняйся! Мы люди свои!

Ветер от крыльев жуткого ящера все еще свистит у Цына в ушах. Ему кажется, что всю жизнь теперь будут сниться эти крылья, похожие на огромные летающие сабли.

Кроша у фонтана на первом этаже разглядывает маникюр.

- Ты мне звонил, Богдюня? Я все. Так как насчет кинчика?

7. Пытка офисом

В ванной Цын неожиданно вытряхивает из-за пазухи горстку белых камешков. Странно, как он их не заметил? Будто бы кусочки ваты, лежали себе незаметно, прилипли к футболке с изнанки. Теперь они кажутся

твердыми, безжизненными и не издают никаких звуков. Совершенно обычная речная галька, гладкая, продолговатая. Даже, похоже, начали сереть по бокам понемногу. Он складывает их в коробку из-под джойстика и засовывает ее в самый дальний угол шкафа. Туда же, где прозябают заброшенные джинсы, из которых вырос.

Понедельник, 9 утра. Цын получает многословное мамино благословение, сопровождаемое ехидной улыбочкой сестры. Он послушно натягивает белую рубашу, строгие брюки, втискивается в узкие черные ботинки, приглаживает рукой шевелюру, переходит три дороги в южном направлении и оказывается в папином офисе.

Конец ненормальностям. Да здравствует коммерция.

Папы там нет, он с рассвета на ногах, вернее, на колесах. Разъезжает. Хочешь преуспеть – контролируй все сам. Есть такое мнение. Хороший хозяин сам вспахивает свой огород, сам его стережет и сам собирает урожай. Или, по крайней мере, сидит безвылазно на вышке и наблюдает, как это делают другие. Папу в офисе боятся.

«Это потому что он – уважаемый человек. Вот его и уважают».

Менеджеры в отделе продаж все как на подбор улыбчивые и вежливые.

«До чего же они похожи на отменно выдрессированных, в меру упитанных, лоснящихся морских котиков,» - думает Цын.

Прекрасное, удобное лежбище, эргономичное, как сказала бы мама. Сытые котики, снабженные гаджетами, прокачанные на тренингах, окучивают папин огород. Волны успеха то и дело омывают их упитанные бока.

У каждого из них стильный, со вкусом подобранный гардероб. Если ты будешь одет неряшливо и дешево – с тобой не станут разговаривать, если черезчур дорого или кричаще – тоже. Видно, что люди у папы зарабатывают, и зарабатывают неплохо.

Начинается рабочий день, звонки, упорядоченная возня, нежная борьба с клиентами. Каждый знает, что ему делать.

Симпатичная офис-менеджер по имени Алина готовит Цыну вполне сносный латте.

- Давай я тебе все здесь покажу.

Ласковая, как ручная норка с блестящей шерсткой и быстрыми, все замечающими глазками, она проводит для него обзорную экскурсию, словно он какая-то важная персона. Вот на столе - макет. Это коттеджный

поселок «Ясный», который они строят. Аккуратные домики, аллея, по краю - лес, извив реки...

- Прелесть, правда? Мы продаем участки с домами или под застройку...

Папа много чего уже построил. И в городе, и в области. У него репутация и зеленый свет.

«А где же ведьмина деревенька? – переминается с ноги на ногу Цын. – почему ее нет?»

Потом его усаживают рядом с «лидером продаж». Этот парень очень высокий, почти на голову выше Цына, а Цына в классе считают дылдой. Он велит слушать, как надо обрабатывать «горячую», то есть уже готовую к покупке клиентку по телефону.

На слове «депозит» Цын мысленно отключается, незаметно подтягивает к себе ближайший листок А4 и за спиной у лидера принимается рисовать. Он рисует огромные глыбы камней с глазами, как у аллигаторов, девичьими челочками и тонкими, зловещими щелочками ртов. У одного из камней из такой щелочки торчит носок. Но бог знает, что, на самом деле, там еще было заглочено.

- Слышал, как я ее? Раскрутил-таки. Целый месяц мне голову морочила, - лидер доволен.

Цын мычит и тихонько кидает рисунок под стол, целясь в мусорку.

- После обеда поедешь со мной на сделку, посмотришь, как мы работаем.

И он, пожалуй, чрезмерно сильно хлопает его по плечу, потягивается и, удовлетворенный, топает за кофе.

- Алина, Алина, - напевает он, - наколдуй мне капучино...

Вот что усвоил Цын после первого дня стажировки. Кофе – кровь бизнеса. А кофемашина – его сердце.

Сделав вид, что направляется за сэндвичами в закусочную, Цын сбегает из офиса, на ходу расстегивая рубашку чуть ли не до пупа. В задыхающемся городе многодневная духота сменяется судорожными позывами на грозу. В небе черным-черно. Смачными плевками падают первые крупные капли, рисуя на асфальте принт, и вскоре вся земля становится похожа на сарафан в горошек.

Ноги сами несут Цына к оврагу, в безлесый ложок. Между тем там палаток стало еще больше. Они уже заполнили почти все пространство внизу, у

неработающего подъемника. Некоторые даже притулились за пролеском, у самого озера, еле видные в камышах.

И снова над ними висит радуга. Правда, как и прежде – она едва видна. И то, если выйти на пригорок. И до странного низко, прямо над палатками, прямо над головами «утопленников».

Девушка в оранжевой майке вместе с патлатым мальчишкой довольно унылого вида тащат огромный мешок. Завидев Цына, они останавливаются. Неверия смотрит на него, прищурившись, приставив ладонь козырьком к глазам. Как всегда, она широко и приветливо улыбается, как будто бы к ней прибыл самый близкий родственник, посуливший наследство.

- Э, послушай, - мнется Цын. – Я тут мимо проходил.

Идея поработать волонтером уже не кажется ему такой уж смешной.

Поднимается ветер. Он топорщит белую цынову рубашку. Штанины строгих брюк уже вымазаны в грязи. Что уж говорить о представительских ботинках. Дождь обрушивается на них громадной, мощной стеной.

Мальчишка – напарник Неверии хлюпает носом и продолжает волоком, сам, один, тащить мешок.

Что у них там? Что они таскают?

- Надо поговорить.

Неверия и Цын смотрят друг на друга. Из-за падающей с неба воды оба кажутся один другому размытыми фигурами, словно бы спрятанными под толщей воды. Теперь и они тоже – две русалки, и их разделяет дождь.

- Я хочу быть волонтером, - отплеываясь от воды, лепечет он, но, кажется, она его не слышит.

Дождь набивается ему в рот, в нос, мешает говорить, течет за шиворот. Его привычный мир - детский сад через дорогу, папин офис, зеленый бор, лицей, кофейня, рядок таунтхаусов у леса – за мгновение делается совершенно мокрым. Улицы пустеют, народ прячется под козырьками подъездов или сидит в машинах.

Странные они, эти беженцы. Все не как у людей. Смотреть на них тошно. Тщедушные, худые, сутулые... И зачем-то, наоборот, выползают из палаток под дождь. Молчат. Замирают, поднимают головы. Кажется, больше им ничего не надо, кроме дождя. Дождь. Дождь. Дождь. Будто бы они пьют его всей своей больной кожей. Русалоиды проклятые, что с них возьмешь...

Отсюда, снизу радуга кажется огромной, она тут и там, словно новогодние фонарики, вспыхивает в небе. И становится из-за дождя гораздо ярче.

Постепенно вокруг беженцев, сбившихся в кучу, воздух будто бы светлеет. Вокруг их тел возникает сначала еле заметное ясное обрамление. Цын видит, что все эти ничтожные, хилые людишки словно бы закутываются в белый свет. И их размытые, нечеткие фигуры делаются очевиднее.

- Пошли, - смеется Неверия, - ну, пошли же, чего встал?

Она тянет его за мокрый рукав.

- Они любят воду. Не мешай.

8. Постскриптум

Цын устал удивляться. Он нагибает голову, чтобы забраться внутрь. Старая брезентовая палатка, кажется, такие сто лет назад использовали военные, довольно большая. В некоторых местах, правда, все же протекает.

- Что это с ними? Растворятся сейчас совсем. Они как чахоточные. Им бы к врачу...

Неверия от ответа уклоняется.

- Иногда то, что видишь – не совсем то, что есть.

В палатке – внутри - совершенно пусто, если не считать валяющихся на земле мешков и старых матрасов. Неверия из термоса наливает кипятка себе и вручает Цыну кружку. Он потихоньку осматривается. Пахнет сыростью. Утопанный земляной пол, кое-где покрытый сосновыми лапами.

Несмотря на довольно большое скопление народа, вокруг стоит тишина. Слышно только, как шумит дождь.

Девушка садится на матрас, скрестив ноги и прихлебывает из своей кружки. Она снизу так смотрит на Цына, словно бы хочет сказать – глупый ты, глупый, ну, ничего-то сам понять не можешь. Вот ты стоишь тут, мокрый, смешной, домашний, рубашка прилипла, пуп торчит.

Цын нерешительно крутит свое питье в ладонях. Подносит кружку к лицу. Что это они тут пьют? Воду из озера? Антисанитария... Пар поднимается и щекочет ему ноздри. Сделать глоток он так и не решается.

- Ты ведь что-то знаешь обо всем этом, да?

Сейчас она спросит – о чем? Начнет юлить... Крутить мозги...

- Конечно, - спокойно соглашается Неверия, делая хороший глоток.

- И про Комитет, и про Единую Систему эээ...

- Миров.

- Этих, как их, миров, да... И про трансформинг. Честно говоря, я думаю, что вы все, ребята, круто меня разыгрываете.

А как быть с тем, что случилось под мостом? А его видения? Он ведь совершенно точно видел этих странных «утопленников» раньше. Русалки. Повсюду они ему встречались, мерещились. Он думал, что болен, что это галлюцинации. Его даже к врачу пару раз водили из-за подобных странных, невнятных детских рассказов и попыток объяснить.

До сих пор Цыну жутко вспоминать тот холод, который его окутал при так называемом голосовании.

Она наклоняет голову набок, будто внимательная птица. Упитанная такая, бойкая соечка.

- Скажи, ты что сейчас видишь?

- Чего? – недоумевает Цын.

- Ну, вот ты смотришь сейчас прямо на меня, и что ты видишь?

- Сумасшедшую! – невольно вырывается у него.

Неверия смеется и одобрительно кивает.

- А они как тебе? - кивок в сторону выхода из палатки.

Цын ежится. Ему неловко и даже как-то зябко думать про это.

- Неприятные. Как будто больные все.

- Да..., - она замолкает ненадолго. – Вы видите так... И это очень печально. Очень.

В ее голосе звучит какое-то отчаяние и бессилие. Ей всех жалко, целый мир. И еще эта ее манера беззастенчиво разглядывать собеседника, изучать в деталях, будто бы он картина на выставке!

Наконец Неверия встряхивает мокрыми волосами, будто проснувшись.

- Были времена, когда Комитет действительно что-то мог решать. Но теперь это организация чисто номинальная, бюрократическая. Взять хотя бы ситуацию с тобой. Все перепутали. Напугали, ничего не объяснили,

почти что силой заставили голосовать, подписывать... Это выгодно. Чем меньше ты понимаешь, что происходит, тем меньше ориентируешься. Если не знаешь, как себя вести, тем для них лучше.

- Что это за дядька был в торговом центре? Он меня таскал в какую-то комнату и страшал. Почему ты его испугалась?

Неверия поежилась.

- Ну, он же наверняка сказал – это твой официальный куратор из Комитета. Не совсем из Комитета, правда. Они теперь создали такую спецслужбу надзора за работой и исполнением решений Совета. На местах... Не помню, как она называется... Дичь какая-то очередная... бестолковая...

Цын все еще стоит, а хотелось бы присесть. Косится на матрас. Он устал волноваться. Но матрас выглядит весьма неаппетитно, к тому же он, кажется, влажный. Хотя Неверию это несколько не беспокоит. Она спокойно пьет свой кипяток. Кеды с разноцветными шнурками вымазаны в грязи. Цын знает, зачем он сюда пришел. Он должен задать один, самый главный вопрос.

Но он мнется. Это слишком... Слишком ненормально. Слишком уж пахнет чем-то эпичным. Тем, что, наверное, все навсегда изменит в нем.

- Не могу поверить. А что, правда, это касается других... эгм... эээ... этих, как их? Миров?

Он ждет чего-то фантастического. Что его сознание сейчас расширится, разрастется, и он узрит чудо. Он же только что сказал это. Миров! Значит, они не одни во вселенной?

Бамс! Но ничего не происходит.

- Конечно, - спокойно пожимает плечами Неверия. – Ты же читал письмо. Тебе трудно понять, ты никогда с таким не сталкивался, в другие миры не попадал, специально не ходил. Хотя сейчас это уже дело обычное. Но пока не для вас... Таких закрытых миров, как ваш, очень мало осталось. Ну, или почти закрытых... Интеграция, знаешь ли... Охватила много чего уже...

Цын чешет нос. Странно все это. Как в книжку попал. Или в кино.

Хотя, с другой стороны. Хорошие новости. Может, ему и не надо к врачу? Может, он и не болен. И галлюцинаций никаких нет. Или если это коллективная галлюцинация, может, тогда не так страшно? Заодно сов семи... И уксус, как говорится, сладкий.

- Раньше все было куда проще – каждый мир жил сам по себе. Ну да, были лазейки, некоторые особо пронырливые особы шныряли туда-сюда. Но это

было не так часто, как теперь. Единичные случаи. И по делу, в основном. Но потом...

Она замолкает. Вздыхает. Облизывает губы. Ставит кружку на землю.

- Нашли способ...

- Интеграция?

- Это теперь так называется, - неохотно соглашается девушка, кажется, ее даже немного передергивает, когда она слышит это слово. – Красивое название. Для некрасивых вещей. На деле выходит, что один мир, побольше, поактивнее, поглощает другой. Как бы всасывает его...

Видно, что ей почему-то неприятно об этом говорить. Но для Цына это все похоже на странную сказку, не больше. Какой-то сюр. Ливень, военная палатка. Мокрый он. Мокрая неопрятная толстушка заясняет про мировое господство сил зла... Он снова маленький бестолковый эльфенок, что потерялся в огромном реликтовом лесу. Но теперь этот лес в миллионы раз больше. На этот раз все выглядит еще фантастичнее. Не добрые эльфы наклонились над его колыбелькой, а какие-то водолазы-русалки, упыри, жмурики, утопающие в собственном сиянии, громалы, пинком распахивающие двери в новые измерения... Бррр... Такое самому бы в голову не пришло вообразить.

- Или по-другому, - невозмутимо продолжает Неверия. - через какой-то мир просто прокладывают что-то вроде транспортных путей, раскатывают его, как это у вас делают, вроде как асфальт - для надежности... Чтоб побыстрее...

Крохотная, заброшенная деревенька с несколькими потерявшимися во времени семейками по дороге к коттеджному поселку. Вот что вспоминается Цыну.

- Это неприятно, - охотно соглашается он, все еще надеясь, что его как-нибудь обойдет стороной страшная сказка. – Но при чем здесь я?

- Когда первое слияние произошло, очень хорошие, по крайней мере здравомыслящие эээ... люди поняли, чем это грозит. Тогда в Комитете их было гораздо больше. Теперь никого не осталось, всех извели. Они придумали хитрость. Настояли на том, чтобы такие важные решения, как, скажем, интеграция, принимались с участием представителей всех миров. Ну, или почти всех, хотя бы самых крупных... Сейчас это все давно уже фикция. Был создан Совет Комитета для особых решений.... И был такой ... мы условно зовем его Занозой. На вашем языке я не знаю как это имя произнести. Что-то, что мешает и все время напоминает о себе. Та же история, что и с моим

именем... Аналоги очень приблизительные. Протащил в Совет особое правило... Очень важную вещь сделал... Эта традиция теперь стала неудобной, но ее не могут не соблюдать, не могут взять и запросто отменить, такой заложен механизм. В каждом из миров случайным методом выбирается житель, обычный человек, который должен представлять интересы своего мира. Когда эти интересы как-либо затрагиваются, разумеется.

- Вот так взять в лоб ткнуть пальцем в простого человека, наобум, выбрать его для... Как вы это называете? Дежурный? Без его согласия, безо всякого объяснения...

- Как ты не понимаешь? Это теперь так специально делается, чтобы легче было управлять, решать вопросы, проталкивать нужные решения... До Пьердоминико у вас дежурить выпало женщине, неграмотной. Она жила в глухой речной деревне в Лаосе. Понимаешь, она всю жизнь провела в джунглях, была почти слепая от рождения, вся больная, ходить толком не могла. Ох и намучилась я с ней. Она считала, что ее навещают божества, все плакала, просила ее убить....

Да что же это такое! У вас?

- У вас? Ты сказала - у вас? Почему у вас? Ты сама откуда?

Неверия трясет головой – неважно. Рукой показывает жест – не спрашивай.

Он возмущается. Но почему? Но ей все равно.

- Потом начались эти истории с беженцами. Слишком много миров пошло «под нож». Через какой трассу проложат, через какой еще что... Или жить там стало невозможно, или совсем никого не осталось. У Комитета одной головной болью стало больше - жители стали сниматься с мест и кидаться искать новый дом. Почти всегда такое создает проблемы. Я волонтер. Давно уже этим занимаюсь. Моя работа - расселение бедолаг по временно безопасным местам, их перемещение в случае непредвиденных обстоятельств... Но безопасных миров становится все меньше. Некоторые беженцы кочуют уже целую вечность. От каких-то миров вообще ничего не осталось. Это очень печально.

Нельзя не согласиться, печально, да.

И он, оказывается, за все это безобразие проголосовал. Это он все за всех решил. Но он же не знал! Нет, так дело не пойдет! Свалить все беды на одного человека. Так и ножки могут подкоситься!

- Португалец говорил, что ему приходилось регистрировать беженцев. Значит, они здесь давно? Мне кажется, - Цын запинаясь, он никому толком еще об этом не рассказывал, подробно, искренне, - я их видел уже. До того. Еще в детстве.

Неверия кивает.

- Давно. Они разные. Кочуют, бедняги. Из разных мест. Может, и видел, такое бывает. Значит, тебе судьба дежурить. А время — вещь условная, и не во всех мирах оно одинаково. А кое-где его вообще нет.

Разные? Цын удивлен. Да они же все на одно лицо. Склизкое нечто.

- Да. разные, из разных миров. Но ваше зрение, ваше сознание так устроено, что видите вы их определенным образом. Да и то не все, а только дежурные. Теперь, так как этот мир подлежит интеграции, программу беженцев закрыли. Они у вас нелегально. Я их, можно сказать, в каком-то смысле здесь прячу.

Она нервно хихикает.

- У всех на виду. Так что, смотри, меня не выдай!

«Не очень-то это умно, - думает Цын. - прятать кого-то у всех на виду.»

Но ему-то что до этого? Вот он. Вот дождь идет. А вон там, где-то далеко — все эти сказочные дела. Мистика... Уууу.... Конечно, ходят дядьки какие-то странные, канают его, задерживают, прозрачные планшеты под нос тычут... Вот это неприятно. Это и надо решать. Папа бы поступил именно так. Начал бы решение проблемы с маленького торчащего хвостика, разматал бы клубок потихоньку. А там, где не мотается - обрезать ножничками по-тихому. Это в его мире, в его лексиконе называется «обойти вопрос».

Цын не раз слышал, как папа по телефону предлагал какой-нибудь неудобный вопрос «аккуратно обойти.»

Неверия смотрит на него снизу вверх, лукаво.

- Я, если хочешь знать, и целый мир могу спрятать!

А как, интересно, от всего этого отписаться? А? С глаз долой... И за выздоровление!

Неверия, будто бы услышав его мысли, встает и подходит к Цыну очень близко. Так, как она одна умеет это делать — довольно бесцеремонно, вторгаясь туда, куда не положено. Куда другому вход воспрещен. Но это почему-то не обижает. Цын высокий и худой, а она маленькая и кругленькая, как колобок. Она умоляюще заглядывает ему в глаза. Снизу вверх.

Толстенькая, но проворная пышечка. Эдакая бочечка, тумбочка в комбинезоне. Цын в легкой панике. Девушки и висли на нем, и в щечку целовали, и всякое бывало, но почему-то ему кажется, что никто и никогда еще до сих пор не подходил к нему насколько близко. Во всех смыслах.

Один глаз латте, а другой американо.

- Я помогу тебе справиться. Пожалуйста, только не отказывайся. Они будут на тебя давить. Сейчас время такое, надо все быстро-быстро пропихивать. Если ты подписываешь отказ, они не выбирают снова, а назначают комитетского. То есть, кого-нибудь не из твоего мира, кому все равно, что здесь будет – токсичный склад, помойка... Ты только представь себе это! Вместо вашего озера — дно. Вместо твоего дома — пустырь. Пожалуйста! Сколько раз уже так было. И тогда совсем не остается шансов вам помочь...

Тем временем снаружи дождь заканчивается. Беженцы потихоньку расходятся по палаткам. Вернувшиеся стоят у входа. Тот самый мальчишка, что тащил мешок, впереди всех. Смотрит на него, будто чего-то ждет. Цыну ничего не остается, как тихонько попятиться к выходу. Русалоиды расступаются, чтобы его пропустить. Теперь, после дождя, они гораздо больше стали похожи на настоящих людей – правда, все-таки не совсем на нормальных, а на угрюмых, опасных проходимцев, бомжей-оборванцев.

Какие же они все-таки странные.

Ему страшно. Сейчас загонят в угол, побьют, отберут телефон, ключи от квартиры, карточку банковскую тоже отберут...

«Холодок бежит за ворот, шум на улице сильнее...»

- Не их надо бояться, - смеется Неверия и уверенно берет его за руку.

Ладонка у нее теплая и пухлая.

– Не они – ваша проблема.

Она потихоньку выталкивает его на воздух. Цын крепко схватывается за руку то ли от страха, то ли почему-то еще и долго не разжимает ладонь. Пахнет свежей зеленью. Повсюду лужи. Радуга в небе сейчас яркая и четкая.

- Они любят воду, - девушка нарушает идиллию тихим голосом. – В вашем мире вода – единственное, что им нужно, чтобы продолжать как-то существовать...

Цын опоминается и резко выхватывает руку. Что это было? Что на него нашло? Почему это он в нее вцепился?

- Существовать?

- Чтобы казаться... Хоть как-то похожими... на вас... Подобными вам... Они вас как бы отражают. Как вода отражает все, что происходит... Чтобы не напугать...

Похожим на нас? Похожим на нас? Цын трясет мокрой головой. Ну, это уж слишком. Разве люди такие? С неба ему на уши падает пара последних капель.

- А как они на самом деле выглядят?

Интересно же, вот бы хоть бы одним глазком...

- По-разному... Да это и не важно... Можешь считать, что они просто свет. Зеркало. Так что, когда ты смотришь на них, ты видишь...

СЕБЯ...

Цын холодеет. А потом смеется нервно. Это просто дурная шутка.

- Ну да. А я видел огромного ящера в торговом центре, - заговорщически шепчет он, чтобы заглушить эту неприятную мысль.

Сейчас. Наконец-то. Кто-то давно должен был это сделать. Она вызовет бригаду из психушки.

- Ну и что? – криво усмехается Неверия. – подумаешь... Еще и не такое на свете бывает. Миров, знаешь, саколько.

Такую ничем не удивишь. Ее кеды были в Патогонии, ясно вам?

- Ээээ... Еще хотел спросить... Что было в постскрипуме в том письме... Просто интересно. Так, что-то вспомнил...

Девушка внимательно изучает свои разноцветные шнурки, будто бы советуется с ними.

- Я не думаю, что ты сейчас поймешь...

- Не хочешь говорить?

Она поднимает голову и вглядывается в него испытующе, с любопытством.

- Найди Занозу.

- Что найти? – сдвигает брови Цын.

- Там было написано – чтобы спасти и спастись, найди Занозу...

- Того самого, что придумал этот дурацкий закон с дежурными по вселенной? Где же я его найду? В бесконечности миров?

Неверию будто ударили по лицу.

- Он не дурацкий! Не дурацкий! Ты не понимаешь! Если бы его не было... Если бы не он...

Ну, ладно, ладно, успокойся, спасительница. Чего разволновалась? Сама-то ты кто такая? Цын оглядывается – не слышит ли их кто? Не видит ли?

- И почему пряталась от этого... как его... агента? Охранника? Спецслужбы?

Убийственная физиономия Роналду предстает перед внутренним взором Цына. Такие хорошо изображать на объявлении о приеме на работу мясника или надзирателя в тюрьме строгого режима.

- Я всегда прячусь, - устало и печально вздыхает Неверия. – но не в том смысле, в котором ты думаешь... Давно уже так...

Сейчас она расплатится, и что он будет делать? Снова загадка... Сколько можно?

- То есть если я буду работать тут у вас волонтером, Роналду явится и найдет меня? И тебя заодно тоже? Тебе это зачем? Ведь эти беженцы нелегальные?

Неверия беспечно разглядывает какое-то облачко на небе. Будто бы подставляет лицо под свет радуги. Похоже, ей надоело отвечать на вопросы.

- Ничего не бойся, - наконец отвечает она задумчиво. – Со мной. Здесь он тебя не найдет. И искать не станет. Но это все ерунда, не думай о плохом, не тввоевожся. Тогда оно и не произойдет. Ты приходи завтра с утра. Нам главное, знаешь, что? Нужно с водой вопрос решить. Нам воды не хватает. Чистой. Вода здесь у вас — прямо скажем, не фонтан...

Она критически оглядывает его.

- И еще... грубой мужской силы.

9. А наш мир большой?

После того случая возле маральника были еще. Он иногда видел их – унылых, осунувшихся, жалких, с лицами, похожими на физиономии утопленников.

Они были сами не свои. Не в своей тарелке.

«Мама (няня), откуда эти русалки?» - спрашивал Богдан.

«Какие русалки, зайчик?»

Какие, какие... Да вот же они.

Потом долго ничего не появлялось. И вдруг ни с того ни с сего – новая сильная вспышка активности. Они плыли вслед за ним, они стояли, будто ждали чего-то. Были моменты, когда эти кошмарные люди следовали за ним повсюду – в школе, в магазине, на улице...

Тогда врачи списали это на подростковую перестройку организма. О более ранних случаях он не стал рассказывать.

Но на этот раз дело принимает совсем другой оборот, не так ли, малыш Богдашечка? И что ты со всем этим делать станешь? Котик, лапочка, дорогуша?

Почему она сказала, что я вижу в них себя? Разве мы, люди, такие? Или это я таким им кажусь? И они отражают... Что? Мою нерешительность.. Ни рыба, ни мясо.. Страх... Неуверенностью комплексы...

Утром Цын долго смотрит на себя в зеркало.

Теперь он приходит в овраг каждое утро. Каждое утро, едва он спускается с холма, его накрывает радуга. И делается спокойно и легко. Дома он врет, что его заставляют отрабатывать практику в школе – сажать цветы на газонах и ремонтировать парты. И избежать, мол, этого, никак.

Бледные русалоиды снова повсюду окружают его. Страшновато среди них находиться. Сейчас они так близко – и все равно, будто бы их разделяет невидимая полупрозрачная, мутноватая преграда – струя воды от водопада. Непривычно и странно. Цын изо всех сил старается держаться от них подальше, от этих «беженцев из другого мира». Он невольно отдергивает руку, когда ему приходится передавать им поклажу или помогать ставить палатки. Неверия же, наоборот, всегда среди этих странных созданий, как будто бы она - одна из них.

Как выясняется, они ничего не едят, им нужна одна вода. Вода заряжает их тела, вода их бодрит и оживляет. Ну, насколько это вообще возможно для таких жмуриков... Между собой они не разговаривают. Молчат. Сидят в палатках. Ждут. Что-то таскают в мешках. Он тоже с ними не разговаривает, еще чего не хватало... Просто делает то, что велит его новая подруга. В основном ставит палатки и таскает мешки. Тишина стоит на поляне. Тишина и суета. Как это уживается между собой, немыслимо.

Интересно, как Неверии удастся их ото всех прятать? Неужели их не видят обычные люди? Цын бы, честно сказать, тоже предпочел их не видеть. Они ему не особо-то нравятся – будто скользкие какие-то.

- Когда я рядом, они в безопасности. Их не найдут.

Почему так? Силовое поле, что ли, какое-то?

Цын всматривается в радугу. Обычный свет. Но она всегда здесь теперь, и это подозрительно, конечно.

А жмуриков-то все прибывает и прибывает. Будто им кто ворота открыл. Весь овраг уже заселили, и у озера их полным-полно. Жмутся друг к дружке, словно дрейфуют по течению. Водоросли, они водоросли и есть. Тьфу. Глаза бы не смотрели.

- А зачем они мне раньше-то являлись? Зачем мучили?

Неверия пожимает плечами. Она довольно часто так делает. Не боится признаться, что многого не понимает.

- Вроде такого никогда не было. С теми, кто дежурил. Но вселенная очень чувствительная. Может, хочет от тебя чего особенного. В смысле, ждет.

Она смеется громко и хлопает его по плечу. Цын от этих слов весь съеживается. И эти от него чего-то ждут. Только он один от самого себя не ждет ничего хорошего.

Детей среди русалоидов почти нет. Только один мальчишка, довольно бойкий по сравнению с остальными. Они часто с ним на пару таскают мешки.

Со временем Цын потихоньку начинает понимать смысл того, что происходит.

Пустые мешки из одной из палаток, куда Цыну заходить не разрешается «из соображений его же безопасности», то и дело относят к озеру. Там в них набирают воду. Воду! В холщовые мешки! Это абсурд, но вода не вытекает из них мешков, пока их несут обратно. Мешки, естественно, становится намного тяжелее. Потом эти мешки с водой складывают в палатки. Цын этого не видел, Неверия не позволяла, но он догадался, что спустя какое-то время из этих мешков с водой и выходили «утопленники».

Бред, но факт.

«С водой проблема, - часто вздыхает Неверия. – Вода здесь у вас стала очень грязная...»

Бррр... Лучше в это просто не вникать. А то крыша съедет...

Еще случилось кое-что. Этот мальчишка... Когда они с ним тащили один довольно-таки неприятный и тяжелый мешок, вид у него был уж слишком

удручающий. И Цын... через силу заставил себя улыбнуться. Улыбка вышла вымученная. Но лицо мальчишки застыло на мгновение, будто бы от удивления. А потом... Мальчишка тоже попробовал улыбнуться в ответ... Или, вернее, изобразить нечто наподобие улыбки. Не сказать, что от этого лицо его расцвело или сильно изменилось. Но оно гораздо больше начало походить не человеческое.

Стало легче.

Так что Цын решил облегчить себе жизнь, немного «стереть» свои страхи. И стал улыбаться. Всем подряд без разбора.

Может, немного нервно выходило, но попытаться стоило.

Когда нет волонтерской работы, он сидит на холме и рисует. Неверию, «утопленников», их лагерь... Как-то сами собой отступают на задний план таинственные леса. Вместо несуществующих зверушек Цын теперь изображает, пытаясь вспомнить в деталях, крылатого дракона из торгового центра. Рисует и сам пугается – до чего похоже выходит.

- А наш мир большой? – спрашивает он.

Неверия смеется.

- Разве сам не знаешь? Ты же здесь живешь!

- А твой?

Она отводит глаза. Наверное, с ее миром тоже случилось какая-нибудь беда. Кругом сплошные горести и тревоги. Может, и по ее миру тоже проехали, чтобы проложить трассу, дорогу... Или просто «поглотили». Раз не хочет человек об этом распространяться, то и спрашивать не стоит.

- Зачем я должен искать этого вашего Занозу?

- «Вашего», - передразнивает Неверия.

Наверняка здесь есть что-то важное, чего он пока не понимает. Но что? Где он, Богдан Верховицын, и где проблемы мирового уровня. Как вспомнишь эту тетеньку в спальне с планшетом... «Подписать по касательной. Дежурник....» Ух...

- А они почему почти как нормальные люди выглядят – сотрудники Комитета?

- Адаптирование, - с неодобрением комментирует Неверия и немного смущается.

Они специально готовятся к встрече с определенными жителями определенных миров. Их готовят. Так что получается почти похоже.

«Ага, похоже, как же!» - мысленно ужасается Цын, вспоминая жуткие замашки Роналду. Его закос под все, по его мнению, крутое в их мире.

Может, И сама Неверия со временем так же – адаптировалась? Он трясет головой, пытаюсь представить, как она выглядит на самом деле? Зверушка с тремя ушами? Пятнадцать хвостов и ярко-розовая шерсть? Обязательно упитанная и юркая, это точно.

- Все пытается ко всему приспособиться. Так жизнь устроена. Некоторые вообще очень быстро адаптируются.

Это она про Роналду. Точно, про него.

- Он опасный. Осторожно с ним.

Это Цын и сам понял.

Роналду пару раз присылает Цыну сообщения, но он не отвечает. Так как громила не явился за ним в обед, чтобы подписать отказ, как обещал, то, возможно, и правда, найти его в этом овраге не так просто.

Как-то с трудом верится, что в его руках судьба целого мира. Неправдоподобно как-то. Похоже на игру. Он до сих пор чувствует себя втянутым во что-то помимо своей воли.

Так проходит несколько дней.

10. Дикая деревенька

Но все еще есть в жизни Цына вещи куда более прозаические, земные.

Алексей Андреевич Вероховицын в ярости – это холодная сталь ножа. Японского. Дорогого. Очень острого и опасного ножа.

Он понимает, что Богданчик дурит ему мозги и врет про школьную практику. Он болтается неизвестно где, его непутевый сынок, не переставая заносить в блокнот зарисовки и заковырки своей неопределенной судьбы.

Не хочешь сидеть в офисе – будешь работать на стройке. Безо всяких разговоров папа сажает сына в машину. Смотри, как надо жить. Каждый день смотри, каждую минуту.

Цыну совсем не улыбается тащиться в какую-то унылую гнилую деревушку. Ту самую, которую придется снести, чтобы построить дорогу. Учись работать

с людьми. Чему тут учиться-то? На заднем сидении Цын украдкой достает блокнот и незаметно пытается рисовать. Он рисует сгорбленных, несчастных, почти прозрачных «утопленников», кого-то толстого и бесформенного в обвислой майке с лицом-конфетой, зверя в пиджаке, с клыками и оскалом. И еще он рисует радугу. И вымученную, ненатуральную улыбку мальчишки из оврага. Они едут уже больше часа, он устает от тряски.

Грустное лицо Неверии будто бы отражается от пыльного стекла автомобиля.

Когда же ты поймешь, глупый мой мальчик, что ты всегда-всегда-всегда, каждый день. Каждый час, каждую секунду своей жизни каждым своим шагом, каждым движением рисуешь только одно...

СЕБЯ...

С шоссе дорога сворачивает в чистое поле. Теперь машина несется по совсем свежему асфальту, который, впрочем, скоро кончается. Дальше по проселочной пыли. Когда пыль рассеивается, Цын видит небольшую горстку домиков. Они проезжают указатель «Болотника» - ярко-зеленую дощечку, украшенную на удивление искусно выполненным затейливым цветочным узором. Разворачиваются. Выбираются из машины. Цын щурится, закрывая рукой глаза от солнца. Он удивлен и очарован. Деревенька вся расписана и разрисована каким-то доморощенным умельцем. Это вовсе не покосившиеся развалюшки, нет. Это праздник. Пир красок, цветов и фантазии. Художественный рай. Даже заборы здесь веселые. Каждая речка покрашена в свой, особый цвет.

Отец не замечает в мире красоты. Он деловито говорит по мобильнику. Потом весело подмигивает сыну.

- Сейчас народ будем плющить.

Цын совершенно не заинтересован кого-либо плющить. Он поглощен другим - рассматривает рисунки. Ставки и речки. Стены домов и двери. Это какая-то фантастика. Неведомые животные, птицы и травы выются друг вокруг дружки. Они, кажется, висят в пространстве, как тот ящер. Вот-вот взлетят. Неужели папа этого не замечает? Цын шагает с раскрытым ртом по единственной тропинке-улочке вдоль домов. Всюду одно и то же – вернее, всюду то, чего он вовсе не ожидал увидеть. Все пространство, любой свободный сантиметр умело и искусно задрапировано нереальными диковинками. Яркие краски, безумные даже, можно сказать Это что-то невероятное. Цын с энтузиазмом эту всю радость фотографирует.

Из домов потихоньку выходят жители – это и правда, в основном, старики. Кто-то вытирает руки о фартук, кто-то натягивает теплую кофту. Но никакие они не алкоголики – отмечает про себя Цын. Вполне себе нормальные. Смотрят на приезжего немного подозрительно, но все здороваются. И иногда улыбаются.

Он проходит каменное здание с вывеской «Магазин». Рукописные буквы прыгают, будто бы весело пинают друг-другу. Здание закрыто на висящий, амбарный замок, зато стены разрисованы на славу. И как разрисованы! Огромный зверь летит, распластав лапы, его фантасмагорический хвост обвивает углы, цепляется за рамы...

У окна самого крайнего дома, окруженного особо буйными зарослями дикой травы на табуретке спиной к дороге стоит самый маленький, самый старей, самый древний и самый шустрый стариканчик на свете. Он притоптывает ногой в рваном тапочке и крохотной кисточкой (абсолютно без помощи каких-то там очков) старательно выводит узор на наличнике. Узор, тайнопись, филигранные буквицы... Эти руны не чета тем, что рисовали древние эльфы. Они намного сложнее.

Цын ошалело делает фоточки на телефон. Еще и еще.

- Ух ты! – радостно восклицает стариканчик, обернувшись и заведев незнакомого паренька, который остолбенело таращится на сложный, невообразимо прекрасный узор. – какие люди, здравствуйте!

- Проходите, проходите! – продолжает радоваться он. Спрыгнув с табуретки, спешит навстречу Цыну, размахивая руками.

А тот все еще ошарашенно пялится на рисунки. Этого просто не может быть. Как такая нереальная, неземная красота может существовать незамеченной никем в мире?

- Гости, гости приехали! Добро пожаловать, милости просим! – радостно бубнит стариканчик, пытаясь справиться с калиткой, дергая ее и освобождая от вьюна. – заходите, заходите поскорее. А у меня чай с малиновым листом. И баранки есть.

- Это все вы нарисовали? – Цын от удивления еле шевелит языком.

Стариканчик смеется и легонько берет его за локоток. Они идут по узкой дорожке, протоптанной среди дикоцветов.

- Деревенька у нас дикая. Дикая деревенька! Гости не часто приезжают. А мы гостей любим. Очень любим.

Цын как-то незаметно будто бы оказывается во что-то укутан. Он очарован. На него набросили яркую цветную ткань-покрывало. Его будто бы только что достали из мешка на яркий, прекрасный белый свет. Вытряхнули в совершенно новую жизнь... Где все это время, оказывается, кто-то его ждал. И это приключилось в один момент, будто бы некто великий взял и щелкнул пальцами у него перед носом. И он проснулся. У него по-настоящему открылись глаза. Он теперь сам может видеть могучий, единый узор, что связывает все и всех во вселенной. И этот узор – красота. Он вьется, плетется повсюду, пронизывая все вокруг сияющим светом. И даже старые, прогнившие бревна.

Чай они пьют на веранде. Дом дряхлый, но крепкий, а веранда скрипучая, она поет при каждом шаге.

- Я случайно сюда приехал, - смущается Цын.

Он удивлен таким гостеприимством. Таких цветов и красок не бывает на свете. Он и не знал раньше, что можно жить так. Среди такого. Что можно позволить себе рисовать не у себя в блокноте, пряча его, чтобы не увидели родители... . Что можно рисовать вот так. Просто и гениально. Чтобы все изменилось вокруг. Бывает же, оказывается, и такая жизнь. Простая и яркая. С малиновым вареньем.

- А все вообще случайно. Случайно все вокруг. По-другому не живем, - соглашается стариканчик. – Это твой родственник сейчас у магазина народ баламутит? Хорошо, отсюда не видно.

Слава богу, что не видно. Цын краснеет. Ему стыдно ха папу. Неужели кому-то в голову может прийти снести, разрушить такую красоту?

Стариканчик охотно смеется, а улыбаться, так кажется и не перестает вовсе. Он пьет чай шумно, с присвистом, жадно втягивая душистый аромат. Когда его работы хвалят, ему явно нравится.

А Цын как пьяный. Он все удивляется. Почему про эту роскошную Болотинку никто ничего не знает?

- Я тебе секрет открою. Нас ведь как будто бы и нет вовсе.

- Как это? – удивляется Цын.

- По документам нашей деревни нет совсем. Тут по документам - чистое поле. Так бывает. Если кому сильно надо. И нас никого вроде бы и тоже нету. Все в других местах прописаны. Так что и не ищет никто. Нашу Болотнку-то.

- Как же вы живете?

- А кому до стариков брошенных дело есть? Но живем, видишь, - дед хитро улыбается. – Пенсия маленькая, зато чай с сушеной малиной – волшебный. Вот мы и колдуем!

Цын фотографирует и чай, и малину, и веранду, и стариканчика, и все его волшебство. Только вместо дедка на фотках все время получается какое-то размытое яркое пятно, будто бы он светится радугой. Похоже, это все из-за солнца, стариканчик все время суется, бежит, и все против солнца его приходится снимать. А он то одно на стол принесет, то другое. Вот изображение и смазывается. Или оттого, что руки у Цына от волнения дрожат. В жизни он такой красоты не видел. А ведь немало с родителями путешествовал. Но до сих пор, как говорится, ничто его почему-то так не «торкало».

А Алексей Андреевич тем временем агитирует жителей переселиться в город. Он обещает, что их всех пристроит. А куда одиноких стариков можно пристроить? В какой-нибудь дом престарелых, наверное. Цын ежится. Ему жутко стыдно. Это новое, странное чувство. До сих пор он папиными делами не интересовался. Или, как бы сказать, привычно пассивно гордился. Он как будто просыпается и понимает, что оказался в холодном, мокром лесу. Все мудрые эльфы съехали в другое, более комфортное место. Сейчас за шкуру накапает воды...

Он спал до сих пор. В уютной, мягкой детской кроватке. Но теперь оказалось, что она висит, зацепившись за сук, на высоком-превысоком дереве и вот-вот упадет вниз. Бедные эльфы, при бегстве вы забыли, потеряли свою малютку. Изящная, тонкой работы колыбелька сейчас рухнет на землю, куда эльфам ну никак нельзя. На земле люди. На земле войны, болезни, страдания и голод. Король-эльф и прекрасная матушка, вспомните про своего сыночка, заберите его из этой жестокой и хмурой жизни в свой сверкающий мир!

- А я тоже немного рисую.

Цын не верит своим ушам. Это он только что сказал? Он показывает юркому стариканчику блокнот со своими каракулями.

- Это прекрасно! – восклицает тот. – Великолепно! Роскошно!

И даже размахивает руками от радости. Пожалуй, дедушка излишне эмоционален. И для своего возраста, и вообще... Но Цыну очень приятно. Обычно он не очень-то рвется показывать свои рисунки. Особенно после той «тупой консультации»...

- Все не случайно, все не случайно, - с энтузиазмом напевает стариканчик. – И это очень хорошо, что ты приехал. Может, это я специально так всю округу раскрасил, чтобы ты внимание обратил?

Ах, до чего же охотно он позволяет себе смеяться. Кажется, они прекрасно понимают друг друга. С полуслова. Как художник художника.

Тем временем на небольшой утоптанной земляной площадке возле магазина с десяток бабулек и дедулек тихо слушают, что говорит отец. Они не возражают, а просто упрямо стараются не смотреть на него.

- ... Комфортабельные условия... Современные достижения...

Цын все еще ощущает во рту привкус дикой малины. Он набирает побольше воздуха в грудь. Представь себе, что ты был ничем. Воздухом, светом. А потом тебе добавили воды, смысла. Чтобы другие могли увидеть, что ты есть. Кто ты. Какой. И в зависимости от того, что у них внутри в твоём творчестве, в тебе смогли увидеть...

СЕБЯ...

Он больше не спит. Сейчас он отчебучит что-то такое, что превратит его наконец из потерянного малютки-эльфа из нарисованной сказки в кого-то еще. В кого-то настоящего.

- Этого нельзя делать, - он тянет папу за рукав. – пошли отсюда. Нельзя тут ничего сносить. Нельзя строить эту дорогу. Ты что, ничего не видишь? Такую красоту нужно спасать и людям показывать. Пошли. Не позорься. Поехали отсюда. Не мешай людям жить спокойно.

Папа только растерянно таращится на Цына. Красоту? Какую красоту?

Он оглядывается.

- Да ты посмотри – вокруг одни развалины, все покосилось. Старики одинокие, никому не нужны. У них даже магазин, и тот закрыт. Ни больницы, ничего. Да я им услугу оказываю. Этой деревни по документам вообще не существует. Я мог вообще с ними не церемониться!

Цын тоже оглядывается – он что, один это видит? Диковинные птицы, срывающиеся с мест и летящие поперек домов прямо в открытый космос. Двери, расписанные полульвами-полурыбами... Бабульки-дедульки с внимательными глазами – ты, что ли, начальник, пришел новый порядок наводить? А если нам и старый норм?

Цын показывает папе экран телефона. Руки немного дрожат. Но он справится. Он твердо решил. В кои-то веки он в чем-то уверен. Он больше не размазня,

хлюпик, утопленник, бултыхающийся в собственных сомнениях, неуверенный и хилый.

- Я группу создал в инсте. Запостил фоты. Часа не прошло – у меня тысяча с лишним лайков и комментов со всего света. Нельзя строить тут дорогу! Сюда надо туристов водить! Фестивали делать!

Тысячи лайков? Ну и дела! Теперь не так-то просто будет снести Болотнику.

Это 21 век, детка! Новые технологии что-то да решают в нашей жизни!

Папа застывает. Как только он понимает, что натворил Цын, лицо его меняется. Взгляд словно заволакивает ледяной коркой.

Но Цын не боится. Впервые в жизни он чувствует, что по-настоящему живет. Он не утопленник, не покупатель коржиков для всего класса, не няша, не тот, кто бездумно трясясь от страха подписывает «по касательной». Он живой!

Папа с яростью хватается за локоть и тащит в машину.

Цын замечает стариканчика, подпирающего расписной колодец возле магазина и ободрительно улыбающегося ему вслед. Не дрейфь, художник!

Он не дрейфит. Он теперь точно знает, кто он такой и что ему делать.

- Ты соображаешь, что творишь? Соображаешь, на какие деньги живешь, учишься? На какие деньги все это вообще?...

Он никогда не видел, чтобы отец так нервничал. Всю обратную дорогу они едут молча. Сердце Цына стучит так сильно, будто он влюбился. Ему страшно. Он возбужден. Это невыносимо. Обычно Цын в спорах с папой сдается довольно быстро. Но не сейчас.

- Не нужны мне твои деньги! – орет Цын, отец яростно тормозит.

Окраина города. Он высаживает Цына и велит отправляться на все четыре стороны.

Вот тебе и бизнес. Вот тебе и семейные традиции.

Несколько часов бедняга бредет, размышляя о том, что произошло. Но у него – будто радуга за плечами. Он видел чудо.

Вместо того, чтобы вернуться домой, Цын спускается в овраг, в ложбину, в то, что зимой превращается в горки и спуски для катания на сноубордах и горных лыжах, ватрушках и санках.

Он художник. И как положено художнику, он бунтарь. Будет жить своим умом и пойдет своей дорогой!

Да! Жить с ними, с утопленниками. Такими же странными изгоями, как и он. Ну и что такого? Улыбаться они уже почти научились! То ли еще будет!

Он никогда, никогда не забудет этого старикана. А ведь что он по сути сделал? Что изменил? Дома, и правда, в деревеньке ветхие. И многим уже, наверное, по сто лет, того гляди развалятся. Просто кисти и краска. И вот это уже не гнилое, покосившееся строение-развалюшка, а шедевр, произведение искусства. Сейчас, как никогда, Цыну кажется, что всю свою жизнь он просто бездумно тратил время. Ел,пил, дремал и будто бы во сне чиркал карандашом по бумаге. Для кого и для чего? Он вспоминает свой класс, Крошу, маму, сестру, язвительно замышляющую против него какую-нибудь ехидную реплику за обеденным столом... О чем была вся его жизнь до этого момента? Чем?

Уже почти темно. Он валится на траву ничком.

Когда Неверия хлопает его по плечу, Цын вздрагивает так, будто очнулся совсем в другом мире.

11. Как поступить правильно

Не такие уж они и страшные. Не такие уж и ужасные. Да, ничем не пахнут. Все время молчат. Смотрят странно. А теперь еще и эти попытки зловеще, ужасающе неумело улыбаться...

И как только Неверия их понимает? Все время стараются держаться поближе к воде. Всегда не упустят случая побрызгать друг на друга.

- Они хотят тебе понравиться! – с энтузиазмом сообщает Неверия.

Сложно с ней согласиться.

Цын спит на матрасе в той самой палатке, где они пережидали дождь. Питается фаст-фудом, за которым бегают через дорогу в ларек. Стараются не встречаться на районе ни с кем из знакомых. Все время помогает таскать эти странные наполненные водой мешки. А тем временем утопленников становится все больше. Они как будто бы растут из ниоткуда.

Он не отвечает на звонки из дома. Не отвечает на дурацкие приветствия Роналду. Только один раз пишет короткое сообщение Майе – «я в порядке». Это должно, по его мнению, успокоить родителей. Хотя бы на время. Он живой, руки на себя не наложил.

Но вот происходит неприятный эпизод. Неловко поскользнувшись у озера, Цын топит свой телефон в пруду. И выловить не может. Нет его, сгинул. Может, оно и к лучшему. Теперь добраться до Цына не так-то просто.

Он часто представляет, что творится дома. Станут ли родители звонить и опрашивать знакомых – где он? Или не станут? Есть такая штука, как репутация, а с ней шутки плохи. Мама часто прямо так и говорила – с ней шутки плохи. Это вам не в ролевые игры играть. Город только кажется огромным и необъятным, а на деле все значимые люди как на ладони.

Папа наверняка сохраняет спокойствие. Он благоразумно решит – перебесится, вернется.

Кто бы мог подумать, что домашняя няшечка Цын будет околачиваться среди какого-то сброда, в сомнительном лагере беженцев непонятно откуда. Да, Цын теперь свободная личность. Он в оппозиции. Не чистил зубы уже несколько дней. И не принимал душ. Но чувствует себя в целом неплохо. Хорошо, что Неверия не достает его расспросами, а только посматривает искоса и хмыкает. Бог знает, что это означает.

В любую погоду над их лагерем висит радуга.

Он все время рисует. Русалоидов. Неверию. Старикана и его деревню. И иногда – себя. Как есть.

Скоро кончится блокнот.

Узор, волшебные руны света, прошивающие наш мир, а может, и другие миры тоже, словно волшебная нить, связывающие нас всех, как бы мы ни выглядели, в единую мандалу. И все это рисует простой дедок в заброшенной деревеньке на отшибе вселенной. На краю света.

А он, Цын так сможет? Ведь он тоже – часть этого узора. И эти дохляки, и эта странная девушка в оранжевой майке.

Иногда Неверия смотрит на эти рисунки через его плечо. В такие моменты ее лицо будто бы светлеет. Будто бы она им довольна. Будто бы он все делает правильно.

Она все время чем-то занята. И странное дело - ему больше не хочется скрыть свои творения от нее. Совсем не хочется. Да пусть все смотрят. Теперь он рисует саму жизнь! Все, как есть. Честно.

По вечерам они вдвоем жгут костер у озера и пьют чай из термоса. Вернее, он пьет чай. Она – только воду. Иногда мальчишка-русалоид тоже ненадолго зависает с ними. Просто сидит в сторонке и молчит. В отсветах костра видно,

как он старательно улыбается. Выглядит это чудовищно, но Неверия его не прогоняет.

Бывают моменты, такие особые моменты... Иногда Цын ловит себя на том, что пытается заглянуть беженцам в глаза. Найти какой-то ответ. Все-таки они из других миров. Интересно же, что там... Если бы они что-нибудь могли ему рассказать... И иногда он мельком замечает. Такому он просто не может поверить. Потому что этого не может быть. Не может быть, чтобы в других мирах был один лишь яркий разноцветный свет. Небо. Радуга. Словом, то же самое, что и тут, вокруг него. В целом, да, это, наверное, все-таки свет. Эти краткие моменты осознания чего-то большего - они как молния. Очень краткие и не поймешь – было или нет.

Чем больше он наблюдает за Неверией, тем больше ему кажется, что и она сама похожа на какое-то нездешнее сияние. Она – не человек. Она – сгусток сил, энергии и лучей. И она позволяет остальным встать под ее защиту. Она – целый мир, отдельная вселенная со своими законами. Странными, иногда непонятными.

Не думает о себе, а все время занята другими. Кто она такая на самом деле?

Дались ей эти беженцы? Все время говорит о том, что должна для них сделать.

В основном, конечно, по-прежнему Цын избегает таращиться на них в упор. До того они жалкие и тщедушные. Но со временем невольно приходится рассмотреть каждого поближе – ведь для того, чтобы нарисовать, нужно как следует присмотреться. И иногда, когда взгляд задерживается невольно немного дольше того, что нужно, чтобы скользнуть, ему кажется, что сквозь утопленников он видит... небо. Какое-то совершенно обалденное небо. Как будто бы их нет вовсе, как будто бы они – прозрачны. Как будто бы он смотрит насквозь...

На самого себя.

Как будто бы яркие ставни, тонкие узоры на дверях старикановой веранды, звери и цветы на колодце у магазина – как будто бы это тоже они...

И он сам.

Он должен все это как следует обдумать. Да, надо подумать. И, быть может, сделать что-то значительное.

Может быть, просто жить — это и значит дежурить по своему миру? В свое время?

Хотя Цын изо всех сил старается делать вылазки за провизией в те часы, когда вокруг поменьше народу, Роналду ловит его за руку на углу возле кофейни перед самым закрытием ларька.

Верзила кивком показывает, что нужно сесть в машину – довольно дорогую, кстати, уж Цын-то в этом кое-что понимает.

- Вот ты где, чувак, - радостно сообщает здоровяк, устраиваясь на сиденье за рулем.

Кажется, с их прошлой встречи он стал еще массивнее, будто бы его накачали в фитнес-центре.

Цын застывает с надкусанным бутербродом и бутылкой колы в руках. Он не знает, что ему делать, и боится повести себя как-нибудь не так.

Тем временем Роналду что-то ищет. Он открывает бардачок. Оттуда на колени Цыну вываливается некая жидкая сверкающая субстанция, отчаянно карабкающаяся прочь. Роналду поспешно засовывает ее обратно и захлопывает дверцу.

- Ну так что, - хлопает парня по коленке Роналду. – на сообщения мои в фб не отвечаешь? На звонки тоже. Недоступен? Как так?

- Эгм... – сердце у Цына колотится. – телефон потерял.

И это не враки. Правда, потерял.

Он опасливо косится на бардачок. Что еще оттуда может вывалиться? Танк? Наручники? Электрический стул? Запредельные миры?

- Да ты ешь, ешь.

Цын машинально откусывает бутерброд и принимается послушно жевать.

А сам все смотрит на бардачок. Там что-то бушует, дверка вздрагивает. Что это? Несговорчивое существо из другого мира? Или еще хуже – очередная вселенная, которая стояла на пути интеграции? Так сразу и не скажешь...

Роналду ловит его тревожный взгляд.

- Есть вещи, которые нужно просто сделать, так?

Голос у него теперь совсем не веселый. Жесткий тон. Цыну страшно.

Откусанный кусок он никак не может проглотить.

- Просто сделать и все. И если однажды так для себя решишь – то дальше легче будет.

Роналду вздыхает, достает зажигалку, открывает бардачок и спокойно поджигает то, что там копошится и рвется.

Несколько секунд светящаяся масса корчится, а потом вспыхивает и рассыпается пеплом, который оседает Цыну на колени и бутерброд.

Роналду запускает руку глубоко в бардачок, по локоть, потом по самое плечо. И выуживает злополучный прозрачный планшет.

- Все сам, - ворчит он. – Все сам... Работы прорва, ни отдохнуть, ни поспать толком...

Подает Цыну пустой прозрачный экран и смотрит на него – тяжело, нехорошо, выжидающе.

Как и тогда, в торговом центре, Цын у себя в голове слышит голос Неверии.

«Не делай этого. Не отказывайся! Не подписывай!»

Интеграция это или нет, но в том, что ему каюк, Цын не сомневается. А от каюка надо куда-то бежать.

- А можно мне хотя бы ознакомиться? – нервно ерзает он.

- Ты здесь главный, - нехотя соглашается Роналду. – Это все для вашей же пользы, так? Помнишь, я ролик показывал? А тебе очень хорошо будет, это главное.

Цын таращится в экран, но там пусто. Роналду открывает окно, высовывает локоть, смотрит на остановку и посвистывает. Сумерки. Темнеет. Неверия, наверное, скоро разожжет костер...

- Подпиши по касательной.

Цыну делается тяжело, просто невыносимо. Он не может, не может больше. Не надо всего этого.

Иногда человек учудит такое, чего сам от себя ну никак не ожидает.

Мгновение – как вспышка. И вот он уже изо всех сил нажимает на бутылку с колгой, направив ее прямо в лицо Роналду, швыряет следом, не глядя, бутерброд, отпихивает планшет и... Шипучка заливает все вокруг противной липкой жижей, которая растекается по салону и мрачной физиономии Роналду. Цын, резко рванув дверцу машины, выскакивает на дорогу.

Он мчится так быстро, как только может. Перебегает дорогу и сразу же ныряет в сосновый бор. Не разбирая тропинок, мчится сломя голову. Он здесь у себя дома, он знает каждый закуток. В конце концов он оказывается на трассе, ведущей прочь из города. Здесь оживленно. Шумят машины. Уже совсем темно. Куда теперь? Что делать? Хорошо, что с ним всегда его верный друг - рюкзак. Там блокнот с рисунками и карточка, которую благоразумные родители никогда не блокируют. Потом он просто нарисует все это... Все пройдет и все позабудется.

Цын останавливает такси.

Вот уж точно, иногда человек делает такое, чего сам от себя не ожидает.

- В Болотинку!

12. Танец лидеров продаж

С какой стороны ни погляди, это было дурацкое решение.

Если вам плохо, куда вы пойдете? Домой, к родителям? Не вариант для Цына. И к Неверии сейчас нельзя – он все-таки боится привести к ней Роналду. Хотя очень хочется обо всем ей рассказать.

А что Роналду сделает старой, заброшенной деревеньке? Она ему ни к чему.

Ночью в Болотинке стоит тишина. Не лают собаки, не орет петух. Все спят. Даже сверчки.

Но стариканчик, оказывается, ждет кого-то. Почему-то сидит у окна на веранде и смотрит на дорогу. И свет не тушит в доме. Такси с Цыном останавливается напротив его расписной калитки. Цын все еще медлит перед тем, как выйти – правильно ли он поступает? Что ж, возможно, здесь его никто не будет искать. И доставать тоже.

Почему-то стариканчик не задает вопросов, а только радуется гостю. Приехал – и славно. Завтра на реку сходим. А я вот что нарисовал. А еще вот что. И придумал еще вот что! Хорошо все-таки найти настоящего единомышленника. Друга. Друга? У Цына екает сердце. Так вот как это бывает...

Это не то же самое, что сидеть за одной партой три года.. Оказывается...

У него все это в первый раз. Может, поздно, но хорошо, что есть.

- Это просто отлично, что ты приехал, - не перестает повторять стариканчик и стелит Цыну на продавленном диванчике у окна, на веранде.

- А я вот сижу, луной вдохновляюсь. Узорчик такой замысловатый в голову пришел, знаешь... Боюсь только, будет тебе скучно у нас. Бабки одни. А у бабок, у них какая фантазия? Все разговоры о пенсии да о болячках. Зато вареники с вишней – вот это да! Это они умеют!

Смеется.

Прежде чем заснуть, Цын смотрит в потолок, где сходятся и расходятся трещины. Даже трещины в Болотинке высокохудожественные. Напоминают ему что-то, что вполне можно обдумать. Будто бы живые. Живее даже него самого. Над самой головой - аккуратный рядок цветущей герани в горшках. Цын спит тревожно, ему снятся драконы и кельтские руны, которые обвивают его тело, будто новогодний серпантин.

Утром в Болотинке орет единственный петух и пахнет полынью. Кот, рыжий, лобастый, трется о бревно, торчащее из косяка.

Цын наконец снимает с себя старое, грязное белье и умывается под ледяной струей из колодца прямо на площади возле магазина – стариканчик поливает ему на загривок. Воду вся деревня оттуда берет. Вода в колодце сладкая, чистая, хрустальная. Цын напяливает старые дедковы штаны и рубаху времен кутузовского ополчения.

Завтракают они какой-то неземной едой – кашей с сушеной смородиной. В соседнем дворе блеет коза.

Стариканчик все время радостно балаболит о чем-то своем. Но деликатно не спрашивает у Цына – что случилось, почему он приехал. Навестить решил одинокого старика, и замечательно. Хорошо, что кому-то оказался нужен. Родственников-то нет, все поумирали. Рад, что нравятся его рисунки. Очень рад. Цын изумлен. Чужие вроде бы люди, а вот ведь скажи – как будто всю жизнь друг друга знали. За несколько часов всю судьбу рассказали. Будто два пацана, взлетающие вверх-вниз на качелях.

Наверное, и так бывает в жизни. Цын пока что этого не знает, ведь он живет так недолго.

- Мы все в одном узоре, - смеется стариканчик. – Все вместе сплетены.

Он, кажется, удивляется поменьше. И всему вокруг радуется.

Цын открывает блокнот, чтобы порисовать. Осталось всего несколько чистых страниц.

Однако же, оказывается, в его художественном хозяйстве кто-то порылся. Тут побывал кто-то чужой.

Там, где еще вчера были пустые листы – кто-то нарисовал Майю. Очень похоже. Ее лицо почему-то перекошено. Будто бы она хочет выбраться из страницы, но не может. Цын оглядывается в негодовании – ну, если это дедок ночью так решил над ним подшутить, то он ему выскажет. Нехорошо чужие вещи трогать. А нарисовано здорово! Хотя стиль знакомый. Будто бы это он сам..., но только мастерства побольше...

Цын берет в руки карандаш.

Может, это все-таки действительно он сам нарисовал, да не помнит? Игры разума причудливы и в его случае просто-таки непредсказуемы.

Цын пририсовывает Майе цветок за ухом. Майя послушно оживает под его рукой. Сначала моргает, потом морщится. Чихает. Злится. Цын вскакивает. Сестра срывает из-за уха цветок, отбрасывает в сторону, куда-то за страницу, что-то кричит ему, цепляется за бумажные края. Ничего не слышно, само собой...

Цын трет глаза, перелистывает...

Чьи-то чужие рисунки, сделанные в его блокноте на последних страницах, оживают, как комиксы. Это черно-белое графичное кино. Стильно, но страшно. И понеслось... Вот их таунхаус. Что происходит? Родители и Майя садятся в машину. Это та самая машина... Их везет... Роналду! Зачем они туда сели? Как так вышло?

Эй! - хочется закричать Цыну, - Не надо! Бегите! Держитесь от него подальше!

Это какой-то жестокий мультфильм. Так не бывает, это все неправда.

А, оказывается, за рулем никого нет. Пустое водительское сиденье. Машина резко газует. На какое-то мгновение в окне появляется испуганная мамина физиономия, папа тоже валится на бок, бледный как полотно. Майя внутри салона беснуется и кричит, стучит руками по окну, но ничего не слышно...

Машина делает резкий поворот.... И вылетает с одной страницы на другую, на чистое белое поле. И вот новая напасть - кто-то невидимый впереди нее рисует крутой съезд, так что машина катится под гору, вниз...

Цын холодеет. Он торопится перехватить рисунок, опередить, поскорее нарисовать ровное шоссе. Теперь рисующих двое — он и его невидимый оппонент. Это какое-то адское состязание! Кто-то в его блокноте все время опережает его руку, точно отводит ее, и быстрее, чем он, серым грифелем изображает повороты, стены, здания, куда его семья вот-вот врежется.

Машина мчится. Стены и другие препятствия сменяются людьми. Машина выезжает на тротуар. Едет прямо на Крошу. У той недоуменное лицо. Что теперь делать? Сейчас они ее собьют! Бедняга отскакивает. Цыну с трудом удастся росчерком карандаша в рисунке завернуть колеса вбок, казалось бы, в самый последний момент. Машина делает крутой вираж и подъезжает к папиному офису. Наверное, время обеденное, потому что «лидеры продаж» и симпатичная офис-менеджер Алина на скамейке во дворе болтают и смеются. Кто-то курит. Увидев, что машина едет прямо на них, они разбегаются в разные стороны, будто стайка испуганных воробьев. Теперь автомобиль мчится по газонам, по траве, он принимается гоняться за сотрудниками папиного офиса, а те в ужасе удирают. Цын едва успевает нарисовать их неловкие движения, но не всегда, кто-то падает. Это похоже на какой-то чудовищный танец. Безумную джигу. Наконец машина разворачивается... Слава богу!

Но нет, нет, теперь она едет прямо на него!

Бедный Цын не знает, что делать, он пытается повернуть дорогу в другую сторону, нарисовать поворот, но это не помогает. Она сейчас наедет прямо на него! При этом очертания машины делаются все больше. Он увеличивается, становясь все реальнее и реальнее...

Цын перелистывает страницу. В блокноте больше нет места, и он рисует свой путь отступления на обложке.

В какой-то момент Цын выходит за края бумаги. Он, кажется, и вправду сошел с ума. Это перестает быть просто картинкой. Он уже рисует дорогу на столе, на полу веранды, на крыльце. А машина все ближе. Она уже выбралась за пределы блокнота и едет прямо на него. Вот его рисунок дороги уже траве, он просто бездумно чиркает по чему попало своим карандашом, который вот-вот грозит сломаться. Или грифель закончится. Тем временем машина делается все больше, больше. Ему нужно успевать нарисовать дорогу, по которой она поедет в следующий миг. Не дать сорваться в пропасть, не дать врезаться в кого-нибудь живого. Не дать наехать на него.

Но ему мешают. В памяти всплывает ухмыляющаяся морда «охранника», сотрудника Комитета и убийцы миров Роналду – «надо просто сделать это и все, так?» И все закончится. Подписать отказ отдекжурства. В воображении Цына громила по-прежнему продолжает подсовывать ему прозрачный планшет с соглашением о передаче своих обязанностей.

Как это страшно – осознавать одновременно, что ты и все, и ничто. И точка в пространстве, крохотная, ничтожная. И само пространство, огромное, бесконечное, от которого все зависят.

Скоро он больше не сможет рисовать. Комикс кончится, как кончился блокнот. Кончится его фантазия. И начнется настоящая жизнь. Это реальность, и надо как-то с ней справляться.

Но пока он судорожно рисует для своей семьи впереди - на земле, на траве спасительную дорогу. Из всех сил чиркает карандашом по земле, по тропинке, ведущей к калитке. Воображаемая это игра или реальная, он уже не знает. Это похоже на бред, так не бывает в обычной жизни. Он понимает это, и все равно не может остановиться. Вдруг они все разобьются, что будет тогда? Как он станет жить совсем один в этом не совсем понятном, огромном мире, где с каждой минутой разбираться и ориентироваться становится только сложнее и сложнее?

Это похоже на какой-то зловещий танец, гонку без начала и конца, ужасную и беспощадную.

В какой-то миг он думает, что кто-то привык так жить. Танец лидеров продаж у папы в офисе. Они мчатся, чтобы не пропасть, сами не знают, куда летят, а на самом деле - в пустоту, наощупь.

Но все кончается, кончается и это. Вскоре машина Роналду и вправду с ревом вылетает в реальный мир. И она сама не менее реальна, чем обычно. Цын едва успевает откатиться в сторону и, свалившись в траву, прижаться спиной к теплице. Рыжий кот в ужасе сигает через забор. Цын чувствует, что его воображение должно за что-то зацепиться, иначе лишится сил. Он взмахивает карандашом в воздухе, будто завязывает дорогу узлом – рисует узор, замыкающийся сам на себе. Эльфийскую руну, кельтский узел. И машина, летящая на него, и вправду останавливается. Встает на дыбы, потом делает в воздухе резкий, нереальный поворот на колесах, будто в балетном танце, и разворачивается в другую сторону, к дому.

Он – маленький эльфенок, пойманный в страшном лесу в паутину паука-людоеда. Никто не спасет его, ни король-эльф, ускользнувший в ночь, ни прекрасная королева-мать, потерявшая свое королевство. Он один, и рассчитывать ему не на кого. Все слилось в одну цветную канитель, в глазах вертится бешеное колесо. Перед глазами так и мелькает орнамент на дедковых окнах, будто его кто крутит в калейдоскопе. Никем не управляемая машина едет по этому орнаменту, мчится прямо по стене деревянного дома. Вот она срывается, зацепившись за косяк, шлепается в полисадник,

переворачивается, катится по огороду, прямо по грядкам, ломает забор, спотыкается о какой-то торчащий пень, снова перекувыркивается на бок, рычит, газует, крутит колесами, как живая, встает, как надо, катится по инерции и наконец благополучно бухается, обессиленная, в дорожную пыль посреди площади Болотинки. Будто бы возвращаясь обратно в положенный ей по сценарию орнамент, она врезается в колодец. Прямо в центр нарисованного цветочного букета пионов.

Тишина стоит пронзительная. Даже петух заткнулся. Жители Болотинки открывают окна, двери, выходят на площадь. Стариканчик тоже тут как тут. Машина дымится. Майя распахивает дверцу первой. Она вылетает на свет божий – растрепанная, разгневанная богиня войны, фурия. Ее личико так сердито, что Цын не посмел ыб его сейчас зарисовать. Волосы спутаны. Нос в грязи. На локте ссадина.

- Между прочим! – вопит она, - из-за вас я пропустила тренировку по танцам! А у нас завтра отчетный концерт!

И грозит кулачком неизвестно кому. Может быть, небу, вселенной, вселенным, мирам, мирозданию.

Цын думает только об одном – только бы они все были живы. Что он им сейчас должен сказать? Что он дежурит по миру? Что это он один виноват в том, что происходит? Что из-за него скоро начнется эта самая интеграция и, мать его, какой-то там трансформинг? Реальность потеряет очертания, и ничто уже больше не будет важно – ни деньги, ни танцы, ни – что...

Во что превратится наш мир, если мы не удержим его, пока дежури́м? В помойку? В свалку? В проезжую трассу?

- Не буду я ничего подписывать, вот вам! – Цын с ожесточением делает неприличный жест в сторону солнца, а куда ему еще обратиться со своими проблемами? – Вот вам, вот вам! – и на всякий случай на север, юг, запад и восток.

Мама и папа выбираются из машины медленно. Если бы это было кино, то должна звучать такая трешевая музыка, жесткая и драйвовая. Хэви металл. И обалденный, запредельный вокал. Мама держится за голову. Папу, кажется, сейчас вырвет.

Цыну тоже плохо, его мутит. Но слава богу, все живы. А что теперь? Что дальше? Чем все это для них всех кончится? Стариканчик тут как тут, один он не унывает. Он похлопывает бедного парня по руке. Мол, ничего-ничего, все образуется. Не волнуйся. Его лицо безмятежно, будто бы он и в такую

минуту готов нарисовать что-то прекрасное. Будто бы не его огород только что пропахали, словно трактором.

Цын не уверен, рад он или нет видеть сейчас перед собой лучезарную стариковскую улыбку, похожую на ломоть душистой туркменской дыни.

И тут его осеняет – ОН ТОЧНО ЧТО-ТО ЗНАЕТ ОБО ВСЕ ЭТОМ.

Как-то это все безусловно связано друг с другом. Мы все в одном узоре. Мы все в родном узоре!

Но реальность предает его. Цын виснет на заборе. В глазах чернеет. Он сейчас потеряет сознание.

- Ну-как вставай, - велит стариканчик.

Он поднимает парня и ставит на ноги с совершенно нестариковской силой.

– Это Семеновны забор. А она шуток не любит.

- Вы не понимаете, - лепечет Цын. – Скоро вообще не будет никаких заборов. Никакой Семеновны. Все к тому идет. Я не выдержу. Я сломаюсь. Я не знаю, что делать. Я один не справлюсь! Я должен найти Занозу. Найти Занозу. Она так сказала – главное – чтобы спастись, надо найти Занозу!

Стариканчик смеется и с необычайной силой встряхивает Цына. Так что у того звенит в ушах.

- А мне кажется, ты все что нужно, уже нашел! Ты молодец.

И он добавляет, миролюбиво улыбаясь и не оставляя попыток установить своего нового друга на ноги, утвердив его в пыли достаточно ровно.

- Занозой может стать что угодно. Уж поверь тому, кто живет давным-давно.

- Что угодно?

- Что угодно, что заставит тебя чувствовать себя живым. Ведь что такое заноза? Просто то, что не дает спокойно затухнуть и закиснуть.

Он с неожиданной силой хлопает Цына между лопаток, так, что из его рубашки вылетает клуб пыли, как из гриба-дождевика по весне.

- То, что заставляет опомниться. И повернуться, чтобы посмотреть в другую сторону.

- В другую сторону?

- В другую, на других. Оторваться от себя, любимого. Увидеть себя не просто внутри себя, закрытого, запертого, вроде бы никому не нужного. А во всем

окружающем мире найти свое. СЕБЯ. И заметить, как это здорово. Например, заметить красоту. Увидеть, как он прекрасен, этот твой мир. Твой. Ведь он твой. Это как когда ты начинаешь новый узор, новый рисунок, понимаешь? Ты должен поставить точку и от нее начать плясать. И все получится.

- Точку?

- Точку где-то вне себя, а не на себе самом. Только так можно создать что-то стоящее. Только так можно понять что-то важное...

13. Ты - вселенная по имени «ты»

Папу наконец рвет.

Мама сидит на краю колодца и ревет в голос. Вот это ребефинг!

Майя пытается позвонить кому-то, но связи, кажется нет. Она злится, вытягивает руку то в одном направлении, то в другом, взбирается на какой-то пенек... Ее новенький, честно добытый смекалкой и сноровкой смартфон – розовый и блестящий – так и сияет на солнышке.

Старики и старушки с опаской обходят все еще дымящуюся машину. Кто-то подает маме воды, накрывает ее плечи платком. Папу явно побаиваются.

«На что я трачу это лето»...

И ведь никому не расскажешь...

И вдруг происходит нечто действительно страшное. Лязг, треск... Пока еще далеко. Все оборачиваются на этот новый отдаленный звук. По полю на Болотинку катится старое, ржавое колесо обозрения. Пока что оно еще маленькое, оно еще далеко. Как будто бы его кто-то выхватил с набережной и пустил под откос. Цыну кажется, нет-нет, это ему только кажется, такого не может быть, это все его богатое и болезненное воображение, что в кабинках, цепляясь за старые, проржавевшие прутья, болтаются все, кого он знает – класс, папины сотрудники и даже новая мамина уборщица. Ну, это уже слишком!

А еще он совершенно отчетливо видит, что в сердцевине колеса неподвижно, расставив ноги и сложив руки на груди, стоит Роналду.

Он полагает, что крутит наш мир, как хочет.

- Ты думал, я шучу, чувак, так?

Колесо катится прямо на них.

Нет, шутки кончились. Сейчас оно раздавит Болотинку.

Цын хватается за голову. Мама, папа, Майя, бабульки и дедульки бросаются бежать. Но разве смогут они убежать от такой махины? Да и куда им бежать? К реке? В поле?

Только стариканчик никуда не спешит, он зачем-то возится с колодцем, зачерпывая ведерком-журавлем воду. И пьет ее – много, жадно.

Этого не может быть, но прямо на глазах от выпитой колодезной воды он становится едва ли не вдвое больше. Он вырастает. Делается мускулистым, молодым, сильным.

На этом чудеса не заканчиваются. Цын не помнит, когда это случилось, не знает, в какой момент. Но вот и она уже здесь. Он не знает как, какими судьбами.

Словно бы появившись из воздуха. Неверия, странная девушка-колобок с разными глазами – один цвета латте, другой американо, в неряшливой оранжевой майке и издававших виды кедах с разноцветными шнурками, спокойно берет его за руку.

С ней все, кого он когда-либо видел в лагере беженцев. Они все здесь. Утопленники, жмурики, склизкие русалоиды, неудачливые беженцы – жители других миров, или как там их еще. И мальчишка, отчаянно, изо всех сил улыбающийся, как всегда, впереди.

Колесо катится на всех этих невероятных персонажей. Неизвестно, живут ли они только в воображении Цына, или где-то еще. Скрежет, лязг, визг. Оно движется медленно, но оно все ближе.

- Это очень важно, - говорит Неверия, и ее голос, как всегда, звучит прямо у него в голове.

Рука пухлая, теплая и влажная. Жмурики окружают их, будто пытаются защитить.

- Скажи, что ты сейчас видишь?

- Мне страшно, - кричит Цын, - Ты что с ума сошла? Сама не понимаешь? Сейчас нас всех раздавят!

Кто-то из русалоидов, кажется дотрагивается до него ледяным плечом.

- Еще эти, - он морщится от отвращения.

А колесо все ближе. Утопленники, русалки, беженцы, больные и сутулые, окружают их с Неверией, родителей, Майю, словно беря в кольцо и создавая

живой заслон. Но разве они, полудохлые, смогут остановить огромную железяку?

Неверия смотрит на него с жалостью. Она качает головой.

- Вы не любите. Вы не верите. Вы боитесь. Вы совершаете подлости. Разве можно удивляться тому, что вокруг вы видите точно такими же свои мысли – грязную воду, мусор, страдания...

О чем это она? Нашла время читать нотации!

- Оно раздавит деревню. Все эти дома!

То есть, он хотел сказать... Раздавит всю эту невероятную красоту, которую создал один особенный, а в то же время обычный, простой человек.

Как это остановить?

- Когда-то я тоже боялась. Я так боялась того, что происходило, что пустилась бежать. Прятаться. Стала скрываться. Я дошла до того, что никто больше не знает, кто я такая. Или что я такое...

Она поворачивается к нему. Лицо ее одухотворенно и очень сосредоточенно.

- Посмотри. Посмотри вокруг внимательно. Всегда смотри так, как будто ничего о мире не знаешь. Взгляни заново. Не думай сейчас головой. Слушай свое сердце. Что ты видишь?

Цын лепечет что-то несуразное. Сказать по правде, ему так страшно, как никогда еще не было. Что-то сошлось воедино в этой точке времени, что-то важное и критическое. Он это чувствует. Уродливое лицо мальчишки, искаженное гримасой улыбки.

- Не верь глазам. Это просто твой страх.

Вот кто молодец. Сохраняет хладнокровие. Неверия – сияние и свет. Она и вправду – целый мир. Мир безмятежности. Котики. Пухлые сладкие щенки. Толстые тюлешки. Няш-мяш-няш-мяш. Нет, отвлечься не получается...

- Так заведено. Все существа во вселенной и вы, люди, во всем и всегда могут видеть только себя. словно бы смотреться в зеркало. Так что помни. Если ты свет – все для тебя свет. Если ты тьма – все для тебя тьма. Если ты страх – все для тебя страх!

Тем временем колесо замедляет ход. Оно каким-то чудом протискивается на улицу, огибает первые дома и по дорожке медленно, со скрипом катится прямо на них. Теснит к колодцу.

Все беженцы поворачивают к Цыну свои ужасные лица и демонстрируют чудовищные попытки улыбаться. Подбадривают, как могут. Что ж, он сам их этому научил. Они встали стеной, чтобы защитить их. Он понимает это, но все еще не может увидеть в них ...

СЕБЯ...

Или кого еще? Людей? Жителей единой вселенной? Кого-то дружелюбного? Кого-то, кто тоже хочет жить и быть счастливым.

И правда, чего он от них шарахается? Что они ему сделали плохого? Кроме того, что выглядят странно? Но они ведь так старались понравиться...

Мальчишка замер, будто ждет чего-то. Будто бы верит в него. Что ты видишь теперь?

Что ты видишь в том, что тебя окружает?

Тем временем что-то происходит. Боже, как тихо вокруг. Слышен только зловещий скрип. Куда-то подевались все животные и насекомые. Нет ни одного комарика.

Жмурики, и те сделались совсем прозрачными. Их лица суровы. Еще недавно они были такими жалкими, унылыми, напуганными...

Мальчишка ближе всех к нему. В его глазах... Цын и вправду видит небо. Поле. Это неважно, что они идут откуда-то и куда-то. Потому что они как бы говорят нам – что ничего, кроме нас самих вокруг нет. Мы — свет. Только свет. Мы - воздух. Они прекрасны. Прекрасны.

Цын в отчаянии. Но сейчас все это разобьется!

- Как мне их спасти?

Неверия слабо улыбается, словно он правильно ответил на уроке.

- Я тоже не сразу это поняла. В это трудно поверить, но когда-то я была целым миром. Огромной вселенной. А теперь прячусь за оранжевой маечкой и разноцветными шнурками. Не будь таким, как я. Помни, ты и есть та самая вселенная, за которую идет борьба. Не дай себя разрушить.

- Пора! – кричит стариканчик.

Неверия задумчиво кивает.

Она делает глубокий вдох и закрывает лицо руками. Стариканчик выступает вперед. Он со всей силы выпускает изо рта струю воды – прямо на колесо обозрения. И принимается поливать ржавую железяку, словно клумбу из

шланга. После этого он сам съеживается и делается таким маленьким, что его можно, пожалуй, посадить на ладонь. Зато колесо останавливается. Оно словно прирастает к земле и прямо на глазах начинает еще больше стареть и ржаветь, его как будто бы разъедает само время.

Но Роналду не останавливается, нет. Роналду спрыгивает с одной из кабинок и идет прямо на них. От страха Цыну кажется, что громила с каждым шагом вырастает все выше, выше, выше, словно его кто накачивают насосом.

Он подходит вплотную и наставляет на Неверию палец. Собирается что-то сказать, наверняка какую-нибудь гадость в своей дурацкой, неизвестно у кого перенятой манере, но вдруг...

Изображение девушки сначала расплывается, словно распадается на разноцветные пиксели. Вместо того, чтобы толкнуть Роналду или ударить, она обнимает его. А потом мир по имени Неверия взрывается. Распадается на миллиарды разноцветных частиц. Семицветные радуги вспыхивают в небе. Утопленники, русалоиды, будто по сигналу, вслед за ней превращаются в свет, они сжимают Роналду в сверкающую сферу, которая вскоре бледнеет и совсем пропадает, сливаясь с небом и солнечным светом. Мальчишка на прощанье оборачивается и подмигивает Цыну. Подмигивает! Огромная радуга встает над землей, все небо делается разноцветным, эта радуга ширится, ширится, ширится, охватывает собою все вокруг, словно навсегда берет наш бестолковый мир под свою защиту.

Один раз нужно принять решение – что нужно делать, и тогда дальше будет легче.

- Это правильное решение, - говорит стариканчик, голос его совсем не изменился. - Она сделала свой выбор. Один мир поглотил другой. Но не так, как это делают варвары, нет. Просто теперь она будет защищать ваш мир всегда. Ну, и нам пора.

Крохотный и смешной стариканчик.

Колесо обозрения, совершенно пустое и проржавленное, так и стоит, замерев, возле магазина. И как только оно уместилось на площади? Стоит в пыли и не падает.

Внезапно в воздухе что-то происходит. Налетает сильный ветер. Все разом срываются с домов и разворачиваются, оживая на глазах, великолепные стариканчиковы узоры. Вернее, не сами узоры – не сами неведомые птицы, цветы и звери, что были нарисованы красками, а их голограммы, светящиеся копии, дорожки-пути. По ним, как по трекам, бежит мерцающий свет. О нет,

это не просто свет. Это шагают, один за другим, «утопленники», русалки, беженцы из других миров. Но теперь это просто светящиеся силуэты. Очень тонкие и едва уловимые. По этим узорам они вместе с голограммой медленно начинают двигаться и танцевать в воздухе над колодцем.

Это сияющий и прекрасный танец.

Цын ошеломлен. Майя всхлипывает. Родители, обнявшись, замерли и застыли.

Он понимает главное. Вселенная по имени Неверия взорвалась миллиардами крохотных пылинок атомов и словно бы обволокла наш мир своей защитной пеленой, которую не прорвать никакой интеграции. Словно та радуга над оврагом, она сделала наш мир невидимым. Она его спрятала.

Неверия – это вселенная. Она сама – отдельный мир. Она поглотила нас и спасла.

Но вот танец заканчивается.

Раздается заливистый лай собаки. А дальше все происходит словно в замедленной съемке.

Узор, многоцветный и сложный, сворачивается и замыкается в огромную светящуюся круглую мандалу. Последний светящийся силуэт (Цыну кажется, что это толстушка в джинсовом комбинезоне и ярко-оранжевой майке) сливается с рисунком и замирает.

Стариканчик совершает комический прыжок (он похож на мультяшный пельмень, снующий по тарелке с бульоном), подлетает в воздух и ныряет в самый центр этой мандалы. Звучит оглушительный взрыв, пространство съезживается и разворачивается опять. Кажется, само небо вздрагивает. Колесо обозрения, получив ударную воздушную волну, качнувшись, со всего размаху падает на магазин.

В самый последний момент стариканчик успевает повернуться к Цыну и посмотреть прямо ему в глаза.

«Можешь взять мою кисточку, - звучит в мозгу Цына. - Я же не дурак, видел, как ты на нее пялился.»

Тонюсенькая, филигранная кисточка. И вправду хороша. Но, честно сказать, Цын о ней вовсе не думал.

Цыну кажется, что он летит в бесконечность. А что ему еще остается? Он падает долго-долго. Смирненно стремится навстречу вечному свету. Или что там еще бывает необычного на перекрестке всех миров, где сходятся все

пути? Он многое понял. Но, конечно, не все. Так что стремиться есть куда. Вот он и летит.

Но есть одно но. Он точно знает, он просто уверен, что теперь совершенно другой человек.

А в мире людей больше после этого не остается ничего, кроме привычных вещей.

Деревня, дома с узорами на окнах. Колодец. Дымящаяся машина. Соседи-старички, опасливо выглядывающие из-за углов. Скоро все вернутся в свои домишки.

Чего только они не повидали за свою жизнь, и вот еще и такое...

Богдан Верховицын (для краткости для всех просто Цын) приходит в себя дома. Мама и папа сидят возле его кровати. Лицо у мамы заплаканное.

- Как ты нас напугал! – шепчет она. – Если бы ты знал, как ты нас напугал!

Цын силится сесть прямо, опираясь спиной о подушку, но у него кружится голова. Видимо, температура запредельная. Знобит. Он с удовольствием забирается обратно под одеяло и натягивает его до самого носа.

Как много ему придется сейчас им объяснять... И вовсе не хочется...

- А между прочим, - встревает Майя, бесцеремонно поднося к его лицу довольно близко экран своего новенького смартфона, - я тоже подписала петицию «Не дадим уничтожить Болотнику».

Кажется, впервые в ее словах не звучит никакого подвоха.

Цын осторожно, одним глазком смотрит на папу. Его лицо очень бледно. Но он кивает. Медленно, раздумчиво. В их семье знают - если уж папа на что дал согласие – то это железно.

14.Алешины активы

В середине лета в Сосновом бору особенно сильно пахнет мхом. В такое время хорошо сидеть на крыльце заднего дворика и слушать, как поют птицы. И, быть может, рисовать. Нет, точно, рисовать!

Вечером, в сумерках Цыну вспоминается многое. Утопленники, русалки из загадочного, чужого мира, где все не так, как у нас. А как? А кто его знает!

«Они принимают такой облик, чтобы показать того, кто на них смотрит... Чтобы мы могли лучше узнать...

СЕБЯ...»

Цын никогда их не забудет, хотя больше не может сказать, что постоянно их видит, или они ему снятся...

Все прошло. Все стало намного спокойнее. Никаких чудес. Будто бы кто-то большой и умный, гораздо умнее его позаботился об этом.

Но странным образом он чувствует надежное присутствие Неверии во всем. Мир, охраняющий его мир. Вот раскрылся бутон розы в мамином садике... Это Неверия улыбается – как только она одна умеет – широко, открыто, во весь рот. Вот на небе туча в виде лодочки. Это она, безумная девчонка, смотрит на Цына, наклонив голову, болтая ногами в разноцветных кедах и рассказывает о том, где еще она побывала, пока они не познакомились. Тысячи невероятных историй. Как жаль, что тогда, у костра, она успела рассказать не все. Остальные ему придется самому придумывать, а, быть может, даже нарисовать. Это будет вполне обычная, земная история. Комикс. Но никакой мистики. История обычной девушки, которая решила посвятить свою жизнь чему-то особому – помощи другим.

Она никуда не ушла. Не растворилась, не исчезла. Она здесь. С нами. Где-нибудь в Африке после дождя взойдет радуга – и это тоже будет Неверия, охраняющая каждого из нас.

Цын запасается краской загодя. Он нетерпеливо ждал, пока кончатся дожди и установится стабильное тепло.

Кстати, в сети его флешмоб «На что я трачу это лето» набирает популярность. Многие поддерживают не только лайками. Многие уже что-то сделали! Есть фотографии, доказательства. Цын чувствует себя вовлеченным во что-то значительное. Быть может, впервые в жизни.

Но главное – они спасли Болотинку. Папины рабочие отконвоировали разбитое колесо обозрения и сдали его на металлолом. А теперь восстанавливают здание магазина. Там будут продавать хлеб и все, что нужно. Больше за этим старикам не придется тащиться за тридевять земель на перекладных. Папина компания взяла деревню и ее жителей под свое шефство. Дорога пойдет в обход. А если мимо будут ездить люди в коттеджный поселок, можно многое придумать и для них. Майя, например,

выступила с предложением провести в Болотинке следующим летом международный фестиваль этно-танцев. Следуя своей основательной натуре, она даже написала об этом письмо в мэрию. Учитывая то, какой отклик произвели в сети фотографии Цына, эта затея уже не кажется им всем чем-то нереальным. Опять же и городу плюс!

Цын много думал о том, как все, что случилось, повлияло на его семью и их нехитрый, малденький мирок.

А точнее, как многое может изменить одно грандиозное чудо, о котором никому не расскажешь.

Все изменилось, и очень сильно. И в то же время, все осталось как было. Все зависит от точки зрения! От того, какими глазами ты смотришь вокруг! Латте или капучино? Ха-ха Цын часто вспоминает, как впервые встретился с этой сумасшедшей девушкой с разными глазами на холме у оврага. Разве мог он знать, что она перевернет всю его жизнь? Или наоборот, что она поставит его перевернутую жизнь на место?

А пока что лето... Каникулы... Впереди новый, последний, учебный год...

Однажды погожим, солнечным ранним утром Цын лезет в шкаф, чтобы переодеться в старые джинсы и рваную майку.

У стены, в коробке он находит пару белых, причудливого очертания камешков – ровных и гладких. На первый взгляд это всего лишь камешки, и ничего больше. Они напоминают Цыну о том, о чем он вовсе не любит вспоминать. Какой он был неловкий и нерешительный. Но это, наверное, нормально. Это и называется взросление. Он осторожно дует на них и кладет камешки обратно, в коробку. В то же время он вспоминает, что видел, как они, живые, двигались и разговаривали. Кто знает, может в каждом из этих кругляшей скрыта зашифрованная вселенная, которая ждет своего часа, чтобы заявить о себе?

Все вокруг не совсем то, чем кажется. Все зависит только от точки зрения. Если сместить эту точку с себя, любимого, и перевести ее на других...

Многое видится четче.

Вот и одноклассники тоже подключились к флешмобу. Кроша вяжет теплые комбезы для маленьких собачек из приюта. Вязать она не умеет, и выходит нечто чудовищное.

Цын топает в детский сад через дорогу. Там уже обо всем договорено. Директор выдает ему стремянку и старые перчатки.

Он ставит стремянку возле глухой стены, самой безрадостной и грязной стены в округе. Взбирается на верхнюю ступеньку.

У него с собой есть инструменты и все, что нужно. Он аккуратно начитает соскребать старую краску. Потом стену надо будет отштукатурить и покрыть фоновой краской.

А потом...

Хватит наблюдать. Стань теми изменениями, которые ты хочешь видеть в мире! Ведь на тебя смотрит Неверия.

Ее так и зовут - Неверия – потому что она просто не верит, что люди могут быть плохими. Сколько бы времени она ни провела на земле, но так и не смогла увидеть вокруг себя зло, страх и подлость. Она не верит в дурной конец истории, как бы безнадежно та ни выглядела. Все обязательно когда-нибудь будет хорошо. Стоит только немного повернуть свой фокус во взгляде на окружающий мир. И мир изменится вместе с тобой.

Он уже решил, что сначала нарисует узор по краю. Плетеный, замысловатый, великолепный... Птицу с светящимися крыльями. Старика, ждущего кого-то родного у окна веранды. И девушку с разными глазами, у которой от волос разлетается едва заметная золотистая пыль. Девушка будет улыбаться так, что и всем прохожим захочется улыбнуться в ответ.

- Что ж, - говорит Алексей Андреевич Верховицын, - если он такой упертый, может, стоит оставить его в покое?

- Сегодня он заявил мне, что записался на курсы графического дизайна. Это же вроде бы вполне востребованная область. Мне кажется, он не отступит.

Мама вздыхает. Спорить с сыном стало непросто. Так что в каком-то смысле она делает шаг назад, отступает, но не сдается.

- Он, Алеша, весь в тебя.

Папе эта фраза, кажется, нравится. Он вообще держится молодцом, учитывая то, какие убытки понес. Но в конце концов, вкладывать усилия и средства можно по-разному, так ведь?

В кои-то веки за завтраком Майя не роняет ни слова. Эта девочка – образец для всей школы, пятерочница и спортсменка. И ничто-то ее не выбьет из колеи. Ни какое-то там дурацкое колесо обозрения, ни гонки на взбесившихся

легковушках. Колесики и винтики в ее голове крутятся медленно, но верно. Ей нравится все просчитывать наперед. Сейчас под столом у Майи на коленях лежит книга. Карнеги «Основа маркетинга». Она немного смущается, сказать ли об этом папе, вдруг он станет смеяться? Сегодня утром она открыла первую страницу, и ничего не поняла. Ей немедленно надо во всем разобраться. Почему они понесли убытки? Почему строительство дороги выходит так дорого? По какой цене нужно продавать коттеджи, чтобы возместить потерянное?

Папа в последнее время иногда ворчит, что у него голова скоро сломается. А она должна найти ответы и всех удивить. Это дело принципа. И она сделает это! Она же Верховицына!

И да, вот еще что. Как бы поделикатнее сообщить предкам, что она бы с удовольствием поехала в летний бизнес-лагерь? Может быть, не этим летом, может быть, следующим?

Много слов незнакомых в книжке, но ничего, она разберется!

